

ПО ТУ СТОРОНУ ПРОБУЖДЕНИЯ

18+

АНАСТАСИЯ КАРПЕНКО

Анастасия Карпенко

По ту сторону пробуждения

«Автор»

2026

Карпенко А.

По ту сторону пробуждения / А. Карпенко — «Автор», 2026

Сны — зеркало души, хранилище страхов, желаний и забытых воспоминаний. В этом сборнике автор делится своими самыми пугающими сновидениями, превращёнными в короткие рассказы. Тёмные коридоры подсознания, леденящие душу видения и кошмары, что не отпускают даже после пробуждения, — вот мир этой книги. Каждый рассказ — самостоятельная история, точное воссоздание ночного кошмара автора: с его искажённой логикой, удушающим страхом и образами, которые надолго врезаются в память. Каждый сюжет — это путешествие в сердце страха, где реальность трескается, обнажая что-то древнее и зловещее. Эти истории — не для слабонервных. Они созданы, чтобы напомнить: страх живёт внутри нас, а граница между сном и явью тоньше, чем кажется.

© Карпенко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Искушение.	5
Глава 2. Неизбежность.	7
Глава 3. Надежда.	8
Глава 4. Счастье.	10
Глава 5. Сумка.	13
Глава 6. Клещ.	15
Глава 7. Голос.	19
Глава 8. Тишина.	22
Глава 9. Кукла.	26
Глава 10. Буря.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анастасия Карпенко

По ту сторону пробуждения

Глава 1. Искушение.

Супермаркет – это маленький мир со своей экосистемой, где хаос на поверхности скрывает чёткие законы обмена, конкуренции и выживания. Здесь, как в дикой природе, каждый элемент играет свою роль. На каждом шагу источники энергии для хищников, травоядных и всеядных. Вдоль стеллажей без усталости шныряют уборщицы в роли санитаров «леса». У кассы охранник отчитывает паразита – вора, что пытался, воспользоваться всеобщей суетой. Писк сканеров, треск пластиковых тележек по плитке, голос кассира: «Следующий, пожалуйста» и всё это на фоне бесконечной рекламы из потолочных колонок. Воздух густой: смесь свежей выпечки, хлорки и чьего-то резкого парфюма.

Остановившись на входе, Она медленно досчитала до десяти и шумно выдохнув направилась вглубь супермаркета, в надежде, что в этот раз покупки будут только нужными и полезными. Вяло передвигаясь между рядами, Она изредка останавливалась у полок с необходимыми продуктами. Первая неделя отказа от любимой еды самая тяжёлая. Она проходила это не первый раз, но снова и снова испытывала тяжёлую ломку, словно наркоман без дозы.

Вот он тот самый приторно-сладкий дурманивший запах... Ноги предательски привели в кондитерский отдел. «Только посмотреть... Ощутить аромат...» Снова этот голос. Мягкий вкрадчивый и бесконечно лживый. Чем чаще ты слышишь этот голос, тем громче он становится. И вот рука уже тянется к полке с любимыми конфетами не от желания, от привычки. От тревоги. От пустоты. Сахар - как старый друг, который обнимает, улыбается и шепчет: «Всё будет хорошо. Просто съешь ещё кусочек». И ты веришь, потому что в этот момент всё действительно хорошо. Мысли успокаиваются, сердце бьётся ровнее, мир становится добрее.

Она одёрнула руку от конфет и уже хотела идти дальше, как вдруг почувствовала знакомое лёгкое покалывание между лопатками. Как будто кто-то провёл кончиком холодного пальца по позвоночнику. По затылку побежали мурашки, сердце бешено застучало в висках, а шея стала деревянной. Этот взгляд... Она чувствовала его всем существом, как давление, как невидимая рука, прижавшаяся к спине.

Медленно, словно опасаясь, что «рука» на спине станет настоящей, Она обернулась и увидела его. Он стоял у холодильника с мороженым метрах в пятнадцати. Мужчина лет тридцати, бледная кожа с сероватым оттенком, как у тех, кто давно не видел утреннего солнца. Под глазами тени, глубокие, будто вырезанные ножом. Осунувшееся лицо, острые черты лица, волосы редкие, тусклые, короткие и неряшливые. Руки тонкие, с выступающими венами, сухие, как бумага, а пальцы дрожат, даже когда он просто стоит. Одет мужчина в старую потёртую куртку тёмного цвета и джинсы, которые когда-то сидели нормально, а теперь болтаются из-за явного истощения. На ногах потрёпанные кроссовки. У него был вид уставшего, зависимого человека. Он не приближается и не двигается, только смотрит в упор и улыбается. Глаза чёрные, не моргают, только впадают, Она чувствует это как давление на кожу, как лёгкий холод на шее. В этом взгляде нет ничего человеческого, только одержимость, а улыбка просто гримаса притворства, будто он выучил, как должны выглядеть счастливые люди и теперь старательно изображает. Губы растянуты, но мышцы лица напряжены, как перед ударом.

Сознание кричит: «БЕГИ!», никак... ноги стали ватными и не слушаются. В голове нарастает паника, дышать всё тяжелее, будто кто-то впустил в лёгкие ледяной воздух. Он проскальзывает через рёбра, как песок сквозь пальцы. Хочется кричать, но звук застревает где-то между гортанью и губами.

Шум в ушах нарастал, и Она уже готова была потерять сознание, как вдруг раздался вой сирены. Строгий женский голос в потолочных колонках сообщил об эвакуации и настойчиво попросил покупателей двигаться к выходам сохраняя спокойствие. Рядом женщина с детской коляской резко дёргает ручку, толкает её вперёд к выходу, не глядя по сторонам. У соседнего ряда мужчина в очках роняет пакет с покупками, не замечает и идёт дальше, ускоряя шаг. Кто-то начинает бежать, не потому что чувствует опасность, а потому что видит, как бегут другие. И только мужчина у холодильника с мороженым всё стоял на месте не шелохнувшись.

Она продолжала стоять в оцепенении, не в силах двинуться с места под пристальным взглядом stalkера до тех пор, пока на Неё не начали налетать люди, спешащие к выходу. Толпа – как волна, она не думает, она катится. И Она покатила с ней, судорожно сжимая пальцы правой руки и оглядываясь. Мужчина продолжал смотреть на Неё, но взгляд оживился, блеск безумия пробирающий до самых костей и ухмылка всё шире, он стал похож на гиену, готовящуюся к прыжку за добычей. Сильный толчок локтем в бок отвлёк Её внимание от мужчины, а когда она повернулась обратно, его там уже не было.

Паника накатила с новой силой, толпа всё прибывала, шум, страх, голоса и детский плач – всё смешалось в бессвязное эхо. Она крутила головой по сторонам, стараясь увидеть этого человека, но он будто исчез, а чувство приближающейся опасности не проходило. Толпа сжимается, как пружина и не даёт пройти к выходу быстрее. В попытке найти телефон, Она сунула руку в карман и замерла... Когда? Когда это произошло? В левой руке она крепко сжимала большую конфету чернослива в молочном шоколаде, яркая синяя обёртка которого уже изрядно помялась от таких манипуляций. В глазах потемнело, грудную клетку сдавило в тиски и ехидный голос зашипел в ухо: «Всё будет хорошо.»

Глава 2. Неизбежность.

Алые капли крови падали на пол ванной комнаты. Она отчётливо слышала их стук сквозь полный мысленный вакуум. «Кап...кап...», кажется они падают с частотой одна капля в 5 секунд, как приятно чувствовать контроль и порядок.

Наконец-то Она слышала только свой голос. Мелкие мурашки покрывали всё Её тело от кончиков пальцев ног, до волосяных луковиц на голове, разливаясь тёплыми волнами по телу.

«Кап...кап...» закрыв глаза Она наконец-то почувствовала удовлетворение. Что-то светлое и мягкое пробивалось в сознании, приобретая начало в груди, там, где всего 30 минут назад было так холодно и пусто, что казалось невыносимым. Напряжение постепенно сменялось спокойствием, будто туго затянутую петлю верёвки расслабили и сняли с шеи.

«Кап...кап...» ещё есть время подумать или Она слишком много думала и потому оказалась в этой точке сегодняшнего дня? Ответ не приходил. Её всегда беспокоили только земные проблемы: крыша над головой, еда, работа, платежи и где же всё-таки встречать новый год. Но когда Она думала о космосе это никогда не вызывало тревоги.

«Кап-кап...кап...» в детстве всегда казалось удивительным, что ночью небо такое чёрное, а днём ярко-голубое. Ночь была лучшим и любимым временем: тишина, миллиарды звёзд, которые невозможно окинуть одним взглядом, но хочется увидеть каждую. Пока это позволяла погода, Она сидела ночью на крыше, когда все уже давно спали, и смотрела на звёзды, чувствуя с ними некое родство.

«Кап...кап...» как хотелось взять и прикоснуться хотя бы к одной из них. А Луна? Как она была красива. Летом в полнолуние она нависала так низко, что казалось вот-вот упадёт и рассыплется на множество маленьких лун, похожих на кусочки янтаря. Зимой, когда хлопья снега падали на землю, окутывая всё серебристым покрывалом, Она думала, что это Луна плачет от одиночества, создавая на Земле отражение себя.

«Кап...кап...» какого же цвета на самом деле трава? Ответ на этот вопрос Она так и не узнала. Да и возможно ли это узнать, если глаза человека способны определять цвет только так и никак иначе.

«Кап...кап-кап...» наверно нужно было что-то сказать, тем кто был рядом, но кажется это уже не важно, они поймут. Больше не было сил бороться с агонией внутри, которая каждый день опутывала сетью из лавы каждую клеточку Её мозга.

«Кап-кап-кап...» у двери раздался звук связки ключей и последнее, что Она услышала, это щелчок открывающегося дверного замка.

Глава 3. Надежда.

Это были бесконечные три дня пути сквозь мрачный густой лес. Она шла из последних сил, но чем глубже в чащу заходила, тем сильнее лес сжимал пространство. Свинцовое небо нависло низко, едва не касаясь верхушек искривлённых деревьев. Ветви старых елей сплелись над головой в непроницаемый свод, не пропускающий ни единого луча солнца. Папоротники, высокие и тёмные, шевелились без ветра. Все деревья стояли так тесно, что их ветви срастались, образуя колючие арки над тропой, которая то появлялась, то исчезала в зарослях. Воздух был густ и неподвижен, пропитан запахом гниения и влажной коры. Тени между стволами казались слишком плотными, слишком осмысленными, опасными... Под ногами вместо травы – толстый слой прелых иголок и переплетение корней, будто щупальца неведомого чудовища, поджидающего, чтобы схватить за ногу. В лесу царила гнетущая тишина и каждый шаг отдавался в ушах слишком громко.

Время замедлилось, даже мысли больше не подавали признаков жизни. Она делает шаг, потом ещё – машинально, на одной упрямой воле. В глазах цвета янтаря не отчаяние, а какая-то отрешённая покорность: Она знает, что нужно идти, даже если кажется, что конец пути никогда не наступит.

Одежда выглядит так, будто прошла через сотню препятствий: куртка местами порвана, на джинсах пятна грязи, ботинки покрыты слоем влажной земли и прилипших листьев. На левой щеке едва заметная ссадина, напоминание о том, как она споткнулась о скрытый под мхом корень. Сияющие тёмно-каштановые длинные волосы, когда-то аккуратно собранные, теперь растрепались. Тонкие пряди липнут к влажному лбу, путаются и падают на лицо.

Она шла, глядя себе под ноги изредка поднимая взгляд вперёд, в надежде увидеть хотя бы намёк на конец этого треклятого леса. Вдруг где-то впереди, едва заметно глазу, мелькнул свет. «Может показалось?» остановившись, Она начала вглядываться в темноту, выискивая тот самый огонёк. Снова! Не показалось! Усталость, как рукой сняло. Чувствуя прилив сил, подгоняемая желанием выбраться отсюда, Она ускорила шаг в сторону огней.

Лес становился всё реже, а огни всё ярче. Спустя где-то восемьсот метров он и вовсе резко оборвался, и Она едва не скатилась кубарем с оврага. Овраг круто спускается от леса, его склоны изрезаны промоинами и поросли кустарником, кое-где обнажились корни деревьев, а внизу расположено поселение.

Деревня внизу кажется заброшенной...или почти заброшенной. Она осторожно спустилась с оврага. В низине густой туман стелился по земле, обволакивая ноги холодными пальцами. В полной тишине со стороны селения донёсся громкий выстрел. Мурашки покрыли всё Её тело гусиной кожей. Звук выстрела пронёсся эхом по всей округе и снова гробовая тишина. Страх сковывал, но выхода нет: либо обратно в лес, либо в странную деревню.

«Решено - идти вперёд.» В десяти метрах от входа в деревню Она увидела пару силуэтов, они были небольшими, можно даже сказать детскими, двигались медленно и совершенно не обращали на Нёе внимания было темно и лучше рассмотреть не удавалось.

Деревню освещали фонари, их холодный свет покрывал крыши и стены деревянных домов. Домики стояли неровно, словно их ставили наспех, не заботясь о порядке. Некоторые окна заколочены крест-накрест досками, другие зияют чёрными провалами, похожими на пустые глазницы. Лишь в паре домов мерцает свет, но не тёплый и приветливый, а тусклый, дрожащий, готовый вот-вот погаснуть. Казалось, что сама земля здесь пропитана печалью.

Снова силуэты, только теперь при освещении фонарей она точно убедилась, что это дети. Они ходили по улочкам деревни то там, то здесь, со стороны это выглядело бессмысленным. Совсем рядом прошла девочка лет девяти, Она решила её окликнуть:

- Пстой! Девочка, почему ты так поздно одна на улице? Где твои родители? И где все взрослые? Кроме детей, я не видела здесь ни души...

Она так давно не говорила, что собственный голос в этой тишине показался Ей совершенно чужим. Девочка остановилась, но не повернулась, а просто пошла вперёд как бы говоря: «Идём за мной.» Или Ей хотелось думать, что она так сказала, в любом случае не раздумывая пошла следом, попутно рассматривая спутницу со спины, пока они шли по одной из улочек между домами.

На девочке было простое однотонное платье с карманами тёмного оттенка, в темноте было не разобрать его цвет, чёрные туфельки на застёжке и белые колготки. Вещи не выглядели изношенными, но были в каких-то пятнах, природу которых сложно было разобрать с такого расстояния. Волосы длинные светлые, волнами ниспадали на плечи, будто сотканые из солнечных лучей и утреннего тумана. Незаметно они вышли на небольшую площадь и остановились у двухэтажного дома. Девочка встала в вполоборота и указала рукой на дверь дома.

Она кивнула и устремилась вперёд. «Ты всё ещё не видела лица этой девчонки. И почему вокруг такая тишина?» Раздалось в голове язвительное замечание. До указанного дома Она так и не дошла, потому что как только поравнялась с девочкой, острая, рвущая боль пронзила левый бок, словно тело разорвали изнутри. Мышцы непроизвольно сжались, дыхание перехватило, секунду сознание отказывалось воспринимать происходящее – мозг не успевал обработать сигнал рецепторов. Она опустила взгляд и увидела, что правая рука девочки выпрямлена и держит рукоять ножа, лезвие которого в эту минуту уже находилось в Её боку. Затем волна боли накатилась с новой силой, растекаясь по животу и отдаваясь в спине. Рука инстинктивно метнулась к ране, пальцы наткнулись на тёплую, скользкую поверхность. Пульс участился, в ушах зашумело, перед глазами заплясали тёмные пятна. Казалось, что это просто дурной сон, иллюзия, мираж. Но кровь, медленно проступающая сквозь пальцы, убеждала в обратном. Ноги подкосились, и Она медленно упала на спину.

Боль растекалась по телу вязкой волной, заполняя каждую клеточку свинцовой тяжестью. Свет фонаря ослеплял, Она хватала ртом воздух в безмолвном бессилии. Девочка склонилась над Её лицом и теперь Она отчётливо видела её лицо – воплощение невинности! Кожа светлая, с едва заметным румянцем на щеках, а несколько крошечных веснушек придают облику особую трогательность. Но главное это глаза...большие бездонные ярко-голубые глаза, обрамлённые густыми длинными ресницами. Они напоминали кристально чистую воду горного озера или ледяные пещеры, но в то же время были прозрачными, как утренняя роса. У них читалась какая-то необъяснимая глубина, будто девочка хранит в себе множество тайн, и абсолютное отсутствие эмоций. Только теперь Она поняла, что пятна на одежде девочки, это засохшая кровь, которая явно ей не принадлежала.

Девочка смотрела Ей в глаза и как будто сквозь. Дышать становилось всё тяжелее, веки смыкались сами собой. Она слышала приближающиеся медленные шаги, но не в силах была ни повернуть голову, ни позвать на помощь. Последнее, что Она увидела, погружаясь в тёплые объятия необъятной тьмы - это огромные голубые глаза и детский голос полный раскаяния донёс шепотом в голове лишь одно слово: «Прости...»

Глава 4. Счастье.

«Какой сегодня чудесный день!» Она стояла у открытого окна, подставляя лицо ласковым прикосновениям майских солнечных лучей. Действительно день был идеальный. Особенно подходящий для торжественных событий. И таким событием для Неё сегодня была свадьба. Свадьба с самым любящим, заботливым и ответственным мужчиной в Её жизни. Он выглядел, как воплощение Её мечты: высокий, крепкий, с густыми тёмно-каштановыми волосами, глубокими карими глазами и нежной уверенной улыбкой.

До церемонии оставались считанные часы, Она уже была при полном параде: макияж, скрывающий следы бессонной ночи, держался намертво, волосы собраны в простую, но элегантную укладку, закреплённую белоснежной фатой. Платье белое с кружевным корсетом и жемчугом по краю, слегка пышное, но не превращающее невесту в «бабу на чайнике». Она была совершенно спокойна и улыбалась своему отражению в зеркале.

На улице посигналил автомобиль, сообщая, что пора ехать в церковь. Спешно надевая туфли, Она в последний раз взглянула на себя в статусе Невесты и выбежала из комнаты.

На пороге крыльца, ослеплённая ярким майским солнцем, Она на мгновение замерла: тёплый воздух, наполненный ароматами цветущих деревьев с тонкими нотками сирени и сладковатым запахом тюльпанов, ласково коснулся её лица, словно невидимая рука мягко пригласила сделать шаг наружу.

Ещё раз окинув взглядом залитый солнцем двор, Она шагнула вперёд и увидела Мэрседес Бэнс С-класса белого цвета, ожидающий за воротами. Машина выглядела по-королевски: длинный гладкий кузов мягко переливался под солнцем, отражая голубизну неба и зелень деревьев. Водитель в строгом костюме открыл заднюю дверь, слегка поклонившись. Она благодарно кивнула и аккуратно, стараясь не помять платье, села внутрь. Салон встретил Её прохладой и запахом новой кожи. Кремово-бежевые кожаные сиденья, деревянная отделка панели, мягкий ворс ковра под ногами – всё это создавало ощущение уюта и роскоши. Через тонированное стекло мир за окном казался чуть более мягким и праздничным. Солнечные блики скользили по фасадам домов, деревья махали ветвями, а впереди, за поворотом, уже ждали самые важные минуты Её жизни.

Сверкнув на солнце полированным кузовом, белоснежный автомобиль элегантно вписался в поворот и замер у входа в храм. Хлопнула дверь, и толпа гостей взорвалась аплодисментами. Она появилась как воплощение мечты: ослепительно-белое платье, сияющая улыбка, глаза, полные счастья. Окинув взглядом собравшихся, Она улыбнулась подружкам, поправила фату и шагнула вперёд к дверям храма.

Одна из подруг, милая шатенка с большими ярко серыми глазами ростом где-то 156 сантиметров, вынырнула из толпы и схватив Невесту за руку потянула за собой в сторону высокого раскидистого дерева ивы, что стояло недалеко, но достаточно отдалённо, чтобы не слышать шум.

- Идём! Покурим на дорожку! – весело смеясь, они дошли до ивы и остановились под её ветвями. Подруга прикурила сигарету с вишнёвым вкусом, а Невеста не хотела, но решила постоять рядом, составить компанию.

- Даже не верится, что ты выходишь замуж! Ты, которая была так против этого всегда.

- Просто я встретила того самого человека, с которым хочется быть ЗАмужем.

Подруга одобрительно кивнула и выпустив струйку дыма, начала оживлённо рассказывать проблемы в отношениях со своим парнем. Невеста слушала вполуха, потому как не хотела портить себе настроение негативом, даже если он направлен не в Её адрес.

Тёплый майский ветерок нежно обдувал кожу невесты, каждое дуновение играло с Её волосами, то приподнимая фату, то трепля локоны, создавая вокруг головы невесомы ореол.

В этом естественном танце природы было что-то магическое – ветер, как заботливый страж, оберегал Её покой, переводя болтовню подруги в фоновый гул. Каждый его порыв был словно бархатным прикосновением, обещающим счастье и любовь, наполняющим сердце радостью и ожиданием того самого момента, когда Её взгляд встретится с взглядом любимого.

Внезапно по спине пробежал ледяной холодок. Она невольно сжала край платья, оглянувшись через плечо: храм, цветущие кусты, дорожка, гости где-то вдалеке – всё выглядело обычно. Но тревога, словно тонкая паутина, оплела сердце, нашептывая: «Что-то не так»

Она судорожно смотрела по сторонам, вокруг себя и даже вверх, в нависающие над ними ветви, но ничего представляющего опасность не находила. Она сглотнула, чувствуя, как в груди растёт тяжесть, а пальцы сами собой сжимаются в кулаки. Что-то надвигалось. Что-то, чего она не могла ни увидеть, ни объяснить.

Напряжение всё росло, и Она уже не слышала ничего вокруг, полный вакуум. Опустив взгляд вниз Она увидела, как из декольте корсета выглядывает что-то похожее на тоненький засохший стебель листа ивы. На свет медленно вылезло нечто тёмное, блестящее и неестественно крупное. Это был таракан. Огромный около десяти сантиметров. Его хитиновый панцирь отливал маслянисто-чёрным, с бронзовыми прожилками, словно покрытый старой патиной. Длинные усы подрагивали, ощупывая воздух, а фасеточные глаза, похожие на две полированные бусины, бегали из стороны в сторону. Таракан двигался по коже неторопливо вверх, с пугающей целеустремлённостью. Невеста просто стояла, прямая, как стрела, не в силах пошевелиться.

Вслед за тараканом из щели корсета показалась сороконожка – длинная, буро-рыжая, с множеством тонких лапок, беспрестанно шевелящихся в такт движению. Её тело, разделённое на сегменты, отливало металлическим блеском, а ногочелюсти слегка подрагивали.

Страх и отвращение достигли своего пика, и Невеста сделала шаг назад, потом ещё один, не отрывая глаз от подруги, которая, молча в недоумении смотрела на Неё. Ноги были ватными паника всё нарастала.

- Нетнет! Нет! – Её руки взметнулись к груди, Она пыталась стряхнуть насекомых, но промахнулась.

- Что с тобой? – встревоженно спросила подруга – Ты побледнела

- Они на мне! – вскрикнула Невеста, хаотично размахивая руками. – Сними их! Сними сейчас же!

Подруга сделала шаг вперёд, вглядываясь в платье.

- Кого? Что снять? Там ничего нет

Невеста прыгала на месте, трясла руками, дёргала плечами, пытаясь сбросить насекомых, но те появлялись снова и снова. Их лапки и усики касались кожи вызывая волну ледяной дрожи.

- Почему ты их не видишь?! – Она задыхалась от страха, пальцы судорожно цеплялись за ткань платья, рвали кружево, пытаясь найти и стряхнуть тварей.

Насекомые всё появлялись тараканы, пауки, многоножки, муравьи размером от восьми до пятнадцати сантиметров. Они ползли по ткани, скользили по коже, щекотали шею, цеплялись за фату. Их лапки оставляли едва ощутимые следы – будто кто-то провёл тонкой иглой.

- Я не могу не могу их сбросить! – Она задыхалась, прижимая ладони к лицу.

Подруга шагнула ближе, уже не скрывая страха, но не перед насекомыми, которых не видела, а перед состоянием подруги.

- Послушай меня. Там никого нет. Посмотри на меня. Дыши. Просто дыши.

Но Невеста её не слышала. Она крутилась на месте, пыталась стряхнуть с себя насекомых. Ветер усилился и ветви ивы зашелестели громче, словно вторя Её крикам.

Больше невозможно было стоять на месте, паника захлестнула Её с головой – Она резко развернулась и бросилась прочь от храма, от ивы, от подруги, которая так и осталась стоять с протянутой рукой и растерянным лицом.

Она бежала, захлёбываясь от рыданий, не разбирая дороги, спотыкаясь, цепляясь платьем за кусты – главное уйти, убежать как можно дальше от этого места.

Насекомые падали с Неё одно за другим. Чем дальше Она убегала, тем быстрее они исчезали. Казалось, сама земля, отдаляясь от храма, отторгала эту жуть. С каждым шагом ощущение множества лапок на коже ослабевало, сменяясь пустотой и ледяной дрожью.

Слёзы застилали глаза, Она почти ничего не видела перед собой, лишь смутные тропы. В ушах стучала кровь, в груди жгло, но она продолжала бежать – будто, если остановиться, всё вернётся: шевеление на коже, холодный блеск хитиновых панцирей, ощущение, что они снова ползут, ползут, ползут.

Она споткнулась и упала на колени, оцарапав их и ладони, но тут же вскочила и снова бросилась вперёд. Волосы липли к мокрому от слёз лицу, дыхание вырывалось рваными хрипами, но она бежала всё дальше прочь от того места, где всё началось.

Она бежала, пока силы совсем не оставили Её. Тогда Она сошла с дорожки и рухнула на траву, уткнувшись лицом в колени. Постепенно до Неё дошло: на Ней больше никого нет. Ни одного насекомого. Ни на платье, ни на коже. Следы от лапок, тёмные чернильные отметины, которые она чувствовала раньше, исчезли. Тишина. Только ветер шелестел листвой. Ни шороха лапок, ни шевеления на коже. Ни единого признака того кошмара.

Она подняла голову и огляделась. Вокруг – только абсолютно пустой парк. Храм остался далеко позади. Звуки свадьбы не доносились сюда, всё выглядело так, будто никакого ужаса не было. Будто это был сон.

Но Она знала: это не сон. Она *видела*. Она *чувствовала*.

Слёзы всё ещё текли по Её щекам, но рыдания постепенно стихали, сменяясь тяжёлой, опустошающей усталостью. Она глубоко вздохнула, вытерла лицо тыльной стороной ладоней и медленно поднялась на ноги.

Невеста оглянулась в сторону храма – туда, где золотился купол, где, наверное, уже начали беспокоиться, куда Она пропала. Но Она не могла вернуться. Не сейчас. Может никогда.

Она повернулась спиной к прошлому и пошла дальше вглубь парка, туда, где тени были гуще, а воздух чище. Туда, где ничто больше не напоминало о том, что случилось.

Она шла, не оглядываясь, всё дальше и дальше, пока последние отголоски страха не растворились в тишине. Шаг за шагом Она уходила от того места, где реальность и кошмар переплелись так тесно, что теперь она не могла отличить одно от другого. И только шелест листьев за спиной, казалось, шептал Ей в след: «Ты не забыла. Ты не забудешь.»

Глава 5. Сумка.

Город дышал осенней сыростью. Туман цеплялся за крыши многоэтажек, а асфальт блестел от недавнего дождя, отражая тусклый свет уличных фонарей. Она зашла в автобус, тяжело вздохнув – день выдался изматывающим. Дверь автобуса захлопнулась будто отрезая один кусок жизни от другого. В салоне пахло пылью, разогретым пластиком и чужим беспокойством – обычная городская смесь, в которую Она привычно вплетала своё напряжение.

Прижимая к себе сумку, что висела на Её левом плече, заставляя сутулиться, Девушка протиснулась вперёд к свободному сидению. Она поставила сумку на сидение, её ткань чуть просела под собственной тяжестью, на секунду прижав сумку ладонью, будто боялась, что она уплывёт сама по себе, Девушка пошла в сторону водителя оплачивать проезд – короткая разлука, ничего страшного. Шаги по рифлёному полу отдавались в груди глухим эхом, а в голове привычно крутились мысли: «Надо успеть, надо не забыть.» Без сумки Она себя чувствовала, как без рук, на столько непривычно было её отсутствие на плече.

Когда Она вернулась, сидение было пустым. Не просто пустым – зияюще, оглушающе пустым, как провал там, где должна быть опора. Сердце рухнуло в низ В голове мелькнула мысль: «В этой чёртовой сумке вся моя жизнь!» И отчасти это было правдой: паспорт, банковские карты, ключи от квартиры, документы с работы, которые взяты на дом, чтобы поработать удалённо и ещё много всего крайне «важного».

Оглядевшись, Она увидела в окно парня на остановке, худой в тёмной куртке с капюшоном из-под которого торчали светлые пряди волос. Он сидел на краю скамейки согнувшись, и торопливо, почти судорожно, потрошил Её сумку. Молния была расстёгнута, и из неё, словно вырванные страницы из дневника, торчали какие-то бумаги, скомканный шарф, ключи. В тот момент мир сузился до одной нелепой, почти комичной сцены: чужой человек копается в Её вещах!

Что-то внутри щёлкнуло. Она вылетела из автобуса и метнулась к нему, не думая ни о страхе, ни о последствиях. Резко вырвав из рук парня сумку, Она сгребла рассыпавшиеся вещи, не разбирая, что берёт, и не сдержавшись отвесила ему пару хлёстких пощёчин – не столько из злости, сколько из дикого желания вернуть контроль над своим имуществом.

«Пошли в полицию!» - выкрикнула Она, схватив его за рукав, голос звучал твёрдо, почти чуждо даже для Её собственных ушей. Парень сжался, в его серых глазах мелькнул испуг, смешанный с чем-то ещё – может быть с облегчением, что его поймали. Он был совсем молодым, почти мальчишкой, в поношенной одежде и с тёмными кругами под глазами. Он стал таким маленьким и жалким, что Девушка вдруг увидела не врага, а просто человека, который тащит на себе какой-то невидимый груз.

В этот момент сумка на плече стала ещё тяжелее, буквально приковала Её к тротуару, будто взгляд этого парня заставлял вспомнить всю печаль, что Она прятала в глубине своей души. Что Она вообще делает? Работа – дом – сон и так по кругу пять дней в неделю. Она не видит друзей и близких, и не уверена, что они ещё есть. Так много обид, так много недосказанности, так много серого цвета каждый день, даже в разгар весны или лета. Сколько это продолжится? Она не помнила Когда она испытывала настоящую радость? Пора это прекращать.

Девушка с досадой вздохнула. Рука разжалась, пальцы отпустили его рукав. «Иди. И больше так не делай. Никогда.» - сказала Она тихо, почти шёпотом. Парень замер на мгновение, будто не веря в свою удачу, а потом сорвался с места и побежал прочь, растворяясь в потоке прохожих, как тень, которая исчезает с первыми лучами солнца.

Она смотрела ему в след, и гнев, который кипел пару минут назад, начал остывать, уступая место странной, тихой усталости. Сумка всё ещё была тяжёлой, но теперь Она знала, что может её нести, а может без страха поставить на сидение. И если её снова украдут – не станет

гоняться за вором, а просто пойдёт дальше, налегке, свободная от того, что давно пора было отпустить.

Автобус загудел, готовясь тронуться, Девушка шагнула в его сторону, но потом решила, что лучше прогулки сейчас ничего не может быть. Впервые за долгое время Она почувствовала, что может идти – легко, свободно, без оглядки на прошлое. Она знала с чего нужно начать свой путь к изменениям. Мобильник уже был в руке и набран номер. Гудок, ещё гудок и вот он долгожданный родной голос:

- Алло.

- Привет, мам.

Глава 6. Клещ.

Лес пах гарью, сырой землёй и железом. Где-то за спиной, километрах в двух, еще тлели остовы сожженной техники, но здесь, в низине, было тихо и сыро. Они шли на юг уже шестые сутки, и заброшенный охотничий дом стал первой крышей над головой за это время.

Дом стоял на отшибе, покосившийся, с выбитыми окнами и проржавевшей водосточной трубой. Внутри пахло плесенью и мышами. Половиц не хватало, в углах чернела какая-то труха, но стены были толстыми, а снаружи — глухая ночь, которая казалась надёжнее любого бетона.

Группа распалась почти сразу, как только закрыли дверь. Рыжий, не снимая бронежилета, рухнул у стены и принялся методично жевать сухой паёк, хрустя сухарями так, что было слышно на всю комнату. Санинструктор и трое парней из прикрытия нашли в углу засаленную баклажку с мутной жидкостью — кто-то из прежних хозяев оставил. Горький самогон пошел по кругу, и вскоре в доме зазвучали хриплый смех и обрывки шуток. Кто-то курил, приоткрыв щель в ставне. Кто-то чистил оружие, не глядя на товарищей.

Она чувствовала себя выпотрошенной. Координация движений стала вязкой, будто идёшь по дну реки. Она не хотела есть. Не хотела пить. Не хотела говорить, как там, за поворотом, когда из кустов выскочили двое с гранатометами, и как Она стреляла в белую вспышку, а потом бежала, не оглядываясь.

Она нашла себе место в соседней комнатке, где не было окон и где на полу валялся рваный войлочный матрас. От него пахло пылью и старым псом, но это было лучше, чем смотреть на рыжего и его сухие губы. Она легла на бок, поджав колени к груди, и прикрыла глаза.

Тишина гудела в ушах.

Она проваливалась в какой-то туманный сон, без образов, только серый кисель усталости, когда машинально провела рукой по волосам. Это было рефлекторное движение — то, что делаешь сотни раз, не думая. Но пальцы наткнулись на что-то у затылка.

Что-то круглое. Твердое. И живое. Она дернулась, но ощущение не исчезло. Наоборот, оно стало острее — Она вдруг осознала, что это впилося. Прямо в кожу, у самого основания черепа, где волосы тоньше всего. Огромное, раздутое тельце, набухшее до предела, почти невесомое, но отвратительно чужое.

Холодная волна омерзения ударила в горло. Она замерла, не дыша, и только тогда поняла — клещ. Лесной клещ. Но таких размеров она не видела никогда. Он был с грецкий орех, серовато-бурый, и, кажется, ее волосы уже начинали спутываться вокруг него.

— ...нет, — выдохнула Она одними губами. — Нет-нет-нет.

Она села, резко, чувствуя, как в голове потемнело. Рука дернулась, чтобы сорвать это с себя, но разум закричал: «Нельзя! Отрывать нельзя, головка останется, инфекция, смерть». Паника накрыла с головой, липкая, соленая, почти удушающая.

— Максим! — заорала Она, и голос сорвался на визг. — Максим, сюда! Быстро!

Топот шагов, скрип половиц. В дверном проеме появилась его фигура — высокий, плечистый, с копной темных волос, лицо хмурое, но глаза — спокойные. Всегда спокойные, даже когда вокруг рвутся мины.

— Что? — он подошел, присел перед Ней на корточки.

— У меня на голове! — Она замотала головой, не в силах дотронуться до места сама. — Сзади! Клещ! Огромный! Сними его, Макс, пожалуйста! СНИМИ!

Её трясло. Она слышала, как в соседней комнате затихли голоса — там тоже услышали Её крик. Но Максим не обернулся. Он медленно поднял руки, положил их Ей на плечи. Теплые, тяжелые ладони сдавили ключицы, и Она дернулась, пытаясь вырваться.

— Тихо, — сказал он. Голос низкий, ровный. — Тихо-тихо.

— Ты его видишь?! — всхлипнула Она, вцепляясь в его руки. — Сними!

Он чуть склонил голову, заглядывая Ей за затылок. Она чувствовала его дыхание на виске. Прошла секунда. Другая. Потом он отстранился, и на его губах появилась странная, едва заметная усмешка.

— Всё хорошо, — сказал он, и в голосе прозвучала такая уверенность, что Она на мгновение замерла. — Посмотри на меня. Всё уже хорошо.

Она смотрела в его серые глаза и не могла понять: почему он так спокоен? Почему не бежит за пинцетом, за спиртом, почему не кричит, как это делают все нормальные люди?

— Макс... — выдохнула Она, чувствуя, как слёзы текут по щекам. — Он там...

— Нет, — он качнул головой. — Его там нет. Ты просто устала. Тебе показалось.

Она моргнула. И вдруг поняла, что шум в соседней комнате исчез. Совсем. Тишина стояла такая плотная, будто дом вымер.

— Где все? — шепотом спросила Она, пытаясь отстраниться от его рук.

— Все спят, — ответил Максим, и его пальцы скользнули по Её шее выше, к затылку, туда, где еще минуту назад пульсировало чужое тело. — И ты спи.

Она рванулась назад, выскальзывая из его хватки. Рука метнулась к затылку — пальцы нащупали только влажные, спутанные волосы. Клещ исчез. Она поднесла ладонь к глазам и увидела темную, железистую каплю — не кровь, не грязь, что-то другое, маслянистое и липкое.

— Видишь? — сказал он. — Ничего не было. Ты просто перегрелась.

Она смотрела на него и вдруг вспомнила. Не клеща. Не лес. Не перегрелку.

Она вспомнила их кухню — маленькую, с желтым светом над плитой. Он сидел за столом, разглядывал квитанции, и говорил, не повышая голоса: «Ты сама виновата. Если бы ты не ушла с той работы, мы бы не влезли в это дерьмо». Она тогда молчала, потому что он был прав — или так казалось, потому что он повторял это так часто, что Её собственная память начинала сбивать.

Она вспомнила, как он смеялся, когда Она плакала. «Опять ты раскисла. Я же пошутил. Ты слишком чувствительная».

Она вспомнила, как в день, когда он объявил, что они идут на войну — добровольцами, за «легкими деньгами», Она спросила: «А если мы не вернемся?» На что он ответил: «Ну и что? Дома нас ничего не ждет, кроме кредиторов. Ты хочешь, чтобы нас убили прямо в подъезде?»

Она не хотела. Она всегда хотела только одного — чтобы он перестал так смотреть. Сверху вниз. Как на ребенка, который не понимает очевидного.

И вдруг, в этой липкой, сырой тишине, Она поняла. Всё. До конца. До последней, самой гнилой частицы. Он не просто обесценивал Её — он питался Ею. Её страхами, Её сомнениями, Её слабостью. Как настоящий клещ питается кровью. И Она носила его на себе так долго, что уже не чувствовала веса. И сейчас он стоял перед Ней, улыбался, а во взгляде читалось: «Ты никуда не денешься. Ты — моя».

Она опустила руку. Сжала ладонь в кулак. Темная капля впиталась в кожу, оставив жирный, маслянистый след. Она посмотрела на Максима — на его спокойное лицо, на его руки, которые уже тянулись к Ней, чтобы снова погладить по голове, уложить спать, усыпить бдительность.

Внутри Ней что-то оборвалось. Не с треском. Без звука. Просто лопнула последняя ниточка, которая связывала Её с надеждой.

Она не стала ничего говорить. Ни про клеща. Ни про долги. Ни про войну. Ни про то, что поняла. Она просто кивнула.

— Ты прав, — сказала Она тихо, голосом, который не дрогнул. — Я перегрелась. Прости.

Максим чуть прищурился — на секунду, всего на секунду, — но потом улыбка вернулась, широкая и снисходительная.

— Ну вот, — сказал он, погладив Её по щеке. — Моя хорошая. Всегда слушай меня. Я же знаю лучше.

Он помог Ей лечь обратно на матрас, поправил под головой какой-то тряпье, укрыл своей курткой. Она позволила. Она всегда позволяла.

— Спи, — сказал он. — Завтра выступаем рано.

Он отошел в угол комнаты, туда, где было суше, и сел на корточки, привалившись спиной к стене. Через минуту его дыхание стало ровным и глубоким — он уснул. Всегда засыпал мгновенно. Как будто совесть никогда не мешала.

Она лежала с закрытыми глазами. Дышала медленно, размеренно, как спящая. Но внутри, в темноте под веками, мысли двигались с пугающей четкостью.

Она не уйдет от него. Не сможет. Он прав — без него Она пустое место. Он выпил Её всю, до дна. Но если Она останется, он выпьет и то небольшое, что ещё теплится. Сделает это снова. И снова. Пока от Неё не останется только оболочка, которая кивает и улыбается.

Выход есть только один.

Она медленно, почти незаметно, приоткрыла глаза. В углу, в метре от матраса, лежал её рюкзак. На самом верху, в боковом кармане, — армейский нож. Большой. Острый. С чёрной рифлёной рукояткой. Она сама точила его перед выходом, и лезвие было как бритва — в темноте оно не блестело, но она знала, что оно там.

Она слушала его дыхание. Ровное. Безмятежное. Сынок мамочки, который никогда не просыпается ночью, потому что знает — рядом есть Она. Его живой щит. Его еда. Его тепло.

Она начала просчитывать. Три метра от матраса до его угла. Половицы скрипят — третья и шестая, если идти наискось. Надо перешагнуть. Нож вытащить бесшумно — лезвие в кожаных ножнах, достаточно потянуть за клапан, и оно выйдет без звука. Ударить снизу вверх, в шею, под челюсть. Там нет кости, артерия идет сразу, если перерезать её — он умрет без крика. Не проснется. Просто выдохнет в сон.

Она представила это. Как встает. Как перешагивает. Как он открывает глаза в последнюю секунду — и видит Её лицо. Лицо, которое он так любил контролировать. И как Она говорит ему, без шепота, без крика, одними глазами: «Теперь ты — моя еда».

Потом Она просто вернется в общую комнату. Сядет и скажет: «Максим не проснулся. Сердце. От переутомления». Ей поверят. На войне так бывает — люди просто не просыпаются. Закопают. Скажут пару слов. И всё.

Она снова закрыла глаза. Её дыхание оставалось спокойным. Руки лежали вдоль тела, расслабленные. Она ждала. Час. Два. Надо, чтобы он провалился в глубокую фазу. Когда сон становится непробиваемым.

Где-то за стеной храпел рыжий. Скрипнула половица — санинструктор вышла по нужде, потом вернулась. Снова тишина.

Она открыла глаза. Свет от щели в ставне падал на пол узкой серебряной полосой. Максим спал, откинув голову к стене, рот приоткрыт, руки сложены на коленях. Беззащитный. Уязвимый. Таким он никогда не бывал наяву.

Она села. Беззвучно. Сделала первый шаг — переступила третью половицу. Вторая нога — шестую. Нож лёг в ладонь, как влитой. Рукоятка была шершавой, привычной. Она вытянула лезвие — черный клинок блеснул только в самом конце, в том месте, где поймал отблеск луны.

Она стояла над ним. Он спал.

Она занесла руку. Дыхание остановилось. Сердце билось где-то в горле, но руки не дрожали.

— Кто теперь чья жертва? — прошептала Она одними губами и опустила нож.

— Милая? Милая, проснись.

Она открыла глаза. Над Ней стоял Максим. Живой. Целый. Без единой капли крови. Он улыбался той самой снисходительной улыбкой, от которой внутри всё сжималось.

— Ты так громко дышала, я испугался. Мучают кошмары?

Глава 7. Голос.

Утро ворвалось в комнату без спроса — белое, колючее, солнечное. Оно растеклось по выцветшему ковру, зацепилось за пыльные стёкла серванта и упало на Её лицо тёплым пятном. Она лежала на спине, укрытая старым бабушкиным одеялом с вышитыми незабудками, и смотрела в высокий потолок. Где-то на кухне звенела посуда, пахло оладьями и топлёным маслом. Бабушка напевала что-то из своего советского прошлого — тихо, почти беззвучно, но этот гул был самым родным звуком на свете.

Но внутри, под рёбрами, уже клубился холодок. Скоро возвращаться. В город. В школу. В ту самую реальность, где по узкому коридору между уроками Её всегда ждали двое. Она даже не знала их настоящих имён — только клички: Бугай и Тощий. Они не учились, они торчали у раздевалки, курили и скалились. Они выбирали момент, когда рядом никого нет. Поджидали у туалета, у чёрного выхода, у пожарной лестницы. Хватали за руку, зажимали спиной к шкафчикам, и их руки лезли под блузку — быстро, грубо, привычно. Она сжимала кулаки и молчала. Потому что, если закричать — будет хуже. Потому что учителя не видят. Потому что стыдно. Непонятно, почему стыдно, но стыдно. Очень.

Она лежала на диване, слушала бабушкино пение, и эти руки уже были здесь, в комнате, под одеялом. Она зажмурилась, пытаясь прогнать наваждение.

А когда открыла глаза — в дверях стоял он. Мужчина лет пятидесяти. Крупный, упитанный, с мягким, но тяжёлым телом, которое заполняло дверной проём. Голова почти лысая — лишь редкие седые волоски на боках и затылке, блестящие от жирного блеска. Лицо землистое, щёки обвисли тяжёлыми складками. Густые неопрятные усы свисали вниз, пожелтевшие от табака. Глаза — маленькие, заплавленные, с маслянистой, сальной усмешкой, от которой всё внутри перевернулось. Она не знала его. Он не был соседом, не был бабушкиным знакомым. Он просто появился на пороге Её комнаты, как будто всегда там стоял.

Сердце пропустило удар. Кровь отхлынула от лица, пальцы рук похолодели. Она хотела спросить: «Кто вы? Что вам нужно?» — но язык прилип к нёбу, горло сжалось, и вместо слов вырвался лишь хриплый, прерывистый выдох. Она попыталась дёрнуться, отдёрнуть одеяло, вскочить — но тело было чужим, ватным, неподвластным. Ноги приросли к матрасу, руки налились свинцом, даже веки двигались с трудом.

— Ну что, красавица, — проскрипел он, и голос был липким, как варенье, густым и вязким. — Проснулась?

Он медленно пересёк комнату, смакуя каждый шаг. Половицы жалобно скрипели под его весом. Она слышала, как он дышит — тяжело, с присвистом, с хрипотцой в груди. Жирные пальцы с грязными ногтями, жёлтыми и слоющимися, теребили пуговицу на рубашке. От его одежды, засаленной на животе и под мышками, исходил тяжёлый, густой запах — пот, перегар, дешёвый табак, замешанные на чём-то прогорклom и сладковатом. К горлу подступила тошнота.

Он навалился на край одеяла. Диван прогнулся под его весом, пружины противно скрипнули. Он придавил одеяло руками вдоль Её плеч — широкими мясистыми ладонями, отрезая путь к бегству. Она дёрнулась — бесполезно. Только слабое дрожание пальцев под одеялом. Его левая ладонь легла Ей на грудь, сжала тонкую ткань ночнушки — и Она почувствовала, как жаркие, влажные пальцы впиваются в плечо. Ноготь — жёлтый, неровный — больно царапнул ключицу.

Он наклонился. Медленно. Сопя. Грузное тело нависло над Ней, отбрасывая тень на всё Её лицо. Тяжесть давила на грудную клетку, мешая дышать. Его лицо приблизилось настолько, что Она видела каждый волосок в усах, каждую пору, каждую морщину. Густые усы почти касались Её губ — жёсткие, колючие, влажные от слюны и пота. Кислый запах перегара и

гнилых зубов ударил в ноздри, смешиваясь с запахом немытого тела. Капля пота с его лысины — тягучая, горячая, противная — упала на Её щеку и медленно стекла к подбородку, оставляя жирный след.

Она содрогнулась. Каждый нерв в Её теле кричал, вопил, выл, но тело молчало. Она чувствовала каждое прикосновение его пальцев сквозь одеяло — там, где они сжимали плечи, там, где он придавливал Её к дивану. Она чувствовала тяжесть его тела, запах его дыхания, влагу его пота. Ей хотелось вырвать себе кожу там, где он коснулся. Хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю, стать невидимой. Хотелось закричать так, чтобы стёкла вылетели, чтобы соседи услышали, чтобы бабушка прибежала и оттащила его. Но горло было заперто на тысячу замков.

— Тихо-тихо, — шепнул он, и в этом шёпоте, в горячем зловонном дыхании, в том, как грузное тело нависало над Ней, было всё то же, что делали Бугай с Тошмим. Та же безнаказанность. Те же руки, прижимающие к стенке. Но этот — хуже. Старше. Отвратительнее. Гораздо страшнее.

Он медленно тянулся к Её губам. Усы уже касались уголка Её рта — жёсткие, колючие, противные. Его глаза — маленькие, заплаканные — смотрели на Неё в упор, смакуя Её ужас. Она чувствовала, как его рука сползает с плеча вниз, по ключице, к шее, сжимает горло — не сильно, но достаточно, чтобы перекрыть воздух. Она не могла дышать. В груди жгло. Слезы потекли по щекам, смешиваясь с его потом.

Она зажмурилась изо всех сил. Сжалась в комок — но тело оставалось неподвижным. Она собрала в груди всё, что осталось. Крик. Он родился где-то глубоко в животе, прошёл сквозь лёгкие, упёрся в сомкнутое горло, в ту точку, где лежали его липкие пальцы. Сначала не было звука. Только напряжение, разрывающее изнутри. Только немой вопль, раздирающий связки. Только кровь, стучащая в висках. А потом — вырвался.

— А-А-А-А-А!

Оглушительно. Хрипло. На разрыв связок. Она закричала так, как никогда не кричала в жизни. Как будто из Неё вытаскивали занозу, которая сидела годами. Как будто всё, что Она проглотила, всё, что Она промолчала, все те разы у шкафчиков и в тёмных углах — всё это выплеснулось наружу одним долгим, раздирающим, животным воплем.

Секунда. Другая. Третья. Четвёртая. Пятая. Она проснулась.

Настоящее утро было таким же светлым. Солнце заливало комнату. Пахло оладьями, с кухни доносился бабушкин голос. Птицы за окном щебетали. Сердце колотилось где-то в горле — оглушительно, гулко. Одеяло сбилось в комок, ночнушка взмокла от пота на спине и груди, волосы прилипли к вискам, на лбу выступила испарина. Она часто и прерывисто дышала, хватая ртом воздух. В дверях никого не было. Комната была пуста. Только тёплый свет и тишина.

Она просидела несколько минут, обхватив колени руками и прижимая их к груди. Дрожала. Мелко, нервно, неуспокаивающе. Слезы катились по щекам, но Она даже не вытирала их — просто смотрела в пустой дверной проём и дышала. Дышала. Дышала.

Крик всё ещё звенел в ушах. Настоящий. Громкий. Живой. Она вспомнила, как он вырвался из Неё, прорвал плотину молчания. Как разорвал тишину, в которой Она пряталась месяцами. И Она поняла: Она может кричать. Крик — это оружие. Крик — это спасение.

Она представила, как этот же крик вылетает из Неё в школьном коридоре, когда Бугай снова полезет рукой под блузку. Как он отшатнётся, испугается, потому что жертвы не кричат. Как обернутся учителя, одноклассники, завуч. Как в следующий раз они не решатся подойти к Ней, потому что Она — та, что может закричать.

Она вдруг со всей ясностью увидела: молчание — это тот самый лысый, упитанный мужчина с сальными усами. Оно прижимает одеяло к плечам, не даёт встать, придавливает своим весом, затыкает рот. Оно держит в параличе, даже когда ты уже проснулся. Оно — главный враг.

Она встала. Ноги дрожали, колени подгибались, но Она пошла. В коридор. На кухню. Бабушка стояла у плиты, переворачивая оладьи лопаткой. Она обернулась, и её лицо озарилось улыбкой, которая тут же сменилась тревогой:

— Внученька, что с тобой? Бледная вся, мокрая... Что так раскричалась? Я аж подпрыгнула.

Она подошла к Ней. Молча. Обняла сзади, уткнулась носом в тёплое плечо, в мягкую ткань старого халата. Вдохнула запах бабушкиных духов — пудры, ванили, домашнего уюта. Зажмурилась. Постояла так с минуту. Слезы всё ещё текли, но теперь они были другими — не от ужаса, а от облегчения.

— Просто сон, бабуль, — сказала она. Голос всё ещё дрожал, но слова были твёрдыми. — Но я больше не буду молчать. Никогда.

Бабушка ничего не поняла. Она только погладила Её по голове и сказала:

— Ну-ну, иди умойся. Оладьи стынут.

На завтрак были оладьи со сметаной и клубничным вареньем. Она сидела за столом, смотрела в окно на просыпающийся город и медленно жевала. Вкус не чувствовался — только отдавало горечью в горле.

Она достала телефон. Пальцы всё ещё дрожали, но Она набрала сообщение подруге Ленке: «Поговорим в школе? Мне нужно тебе кое-что сказать. Важное». Отправила. Положила телефон на стол. И сделала глоток чая — горячего, с мятой, обжигающего горло. Хорошо.

Где-то далеко, в другом городе, совсем скоро начнётся школа. Но теперь внутри Неё было не молчание, а тот самый утренний крик. Он всё ещё звенел в ушах, отдавался пульсом в висках, и каждый удар сердца повторял: не молчи, не молчи, не молчи. Крик стал Её обещанием. Самым важным обещанием в жизни.

Глава 8. Тишина.

Ноги гудели от долгой ходьбы, а в груди разрасталось щемящее, почти детское чувство восторга. Она брела за светлячками уже больше часа. Они не роились, как обычно, а выстроились в причудливую, мерцающую цепочку, словно кто-то рассыпал по лесу осколки зеленоватого стекла. Тёплый весенний воздух был тяжелым от запаха прелой листвы и сырой земли, а где-то вдалеке ухал филин, отбивая ритм, созвучный биению Её сердца.

Девушка почти не смотрела под ноги, перепрыгивая через корни и овраги, заворожённая этим танцем огоньков. Ей казалось, что они ведут Её к чему-то важному, к какой-то тайне, которую может открыть только ночь. И когда деревья расступились, явив взору руины, Она замерла, переведя дух.

Это был не просто хаос камней. Это были руины храма, маленького, но совершенного. Колонны, хоть и покрытые мхом и временем, все еще хранили стройность линий, а пол был выложен огромными каменными плитами, которые за столетия покрылись паутиной трещин. Но самое поразительное было в центре. Плиты образовывали идеальный круг, и в этом круге не было ни одного дерева, ни одного куста. Только ровная каменная чаша под открытым небом. И в этой чаше, залитая лунным светом, стояла Она.

Девушка моргнула. Светлячки исчезли. Просто растворились в воздухе, будто их и не было. Стало очень тихо. Даже филин замолк. Тишина давила на уши, и в этой тишине Она смогла рассмотреть статую. Та была около трёх метров в высоту, высечена из мрамора, который, казалось, светился изнутри в лучах полной луны. Женщина в длинном, ниспадающем складками пеплосе. Лицо Её было прекрасным и пугающе спокойным. Одна рука была прижата к груди, вторая, чуть согнутая в локте, была протянута вперёд, словно она приглашала кого-то войти. Девушка чувствовала, как подкашиваются ноги. Это было наваждение, гипноз. Мрамор казался не холодным камнем, а живой, чуть дышащей плотью. В изгибе губ статуи читалась лёгкая, едва уловимая улыбка, и Ей почему-то показалось, что та ждала именно Её.

Преодолевая страх, который шевелился где-то глубоко внутри, смешиваясь с безумным любопытством, Девушка шагнула в круг. Она подошла к статуе и, затаив дыхание, протянула руку. Её пальцы коснулись холодного, гладкого камня запястья протянутой руки.

Мир взорвался.

Не звуком, а отсутствием звука. Всепоглощающая, звенящая пустота. Девушка почувствовала, как Её тело становится невесомым, как будто Её выдернули из реальности. Сознание свернулось в крошечную, сжатую точку, а затем погасло.

Она очнулась от холода. Но это был странный холод. Он не пробирал до костей, он был внутри, как будто Она сама и была этим холодом. Веки не слушались. Она попыталась сделать вдох, но лёгкие не расширились. Только ощущение давящей, мёртвой неподвижности.

Девушка открыла глаза. Или Ей показалось, что открыла. Картинка была отличной от той, что Она видела мгновение назад. Она смотрела сверху. С высоты трёх метров. И внизу, в центре круга, на каменных плитах, лежало Её собственное тело.

Она видела себя со стороны: раскинутые руки, спутанные тёмно каштановые волосы, которые разметались по серому камню, бледное лицо, которое было искажено застывшей гримасой удивления и боли. Тело выглядело как сломанная кукла, брошенная небрежной рукой. Грудь не вздымалась. Она не дышала.

Паника, острая и животная, захлестнула Девушку, но Она не смогла закричать. Она вообще не могла пошевелиться. Она попыталась дёрнуть рукой, ногой — ни одна мышца не откликнулась. Только лёгкое, едва уловимое ощущение, что Она — тяжёлая, каменная глыба, стоящая на постаменте.

Она была внутри статуи.

Девушка смотрела на Свое мёртвое тело Её глазами, вырезанными из мрамора. Смотрела и не могла ничего сделать. Холодный лунный свет, всё так же заливавший руины, казался теперь насмешкой. Тёплая весенняя ночь вдруг стала ледяной, вечной и бесконечной. Она была заперта в камне, а Её прежняя оболочка лежала внизу, пустая и ненужная.

В Её новом, каменном слухе родился звук. Сначала тихий, похожий на шум ветра в трубе. Потом он стал громче. Это был шёпот. Множество голосов, сливающихся в один, исходил откуда-то из-под земли, из трещин в каменном кругу. Они звучали на древнем, незнакомом языке, но, странным образом, Она понимала каждое слово. Они приветствовали Её.

«Пришла...Новая...Пустая...»

Она поняла, что не одна в этой каменной тюрьме. И что паника — это только начало.

Тишина внутри была ватной и давящей. Шёпот из трещин в камне затих, оставив после себя лишь липкое ощущение чужого присутствия. Девушка хотела закрыть глаза — хотя бы чтобы не видеть собственное тело, распластанное на холодных плитах внизу, — но Её новые веки были из камня и не слушались. Она была обречена смотреть. Смотреть вперёд, на край руин, где лес начинал свою тёмную стену.

И тогда Она увидела свет.

Сначала это было просто дрожащее пятно между стволами сосен, затем — несколько пятен. Фонарики. Живые, тёплые, человеческие. Они пробивались сквозь чащу, сопровождаемые смехом, звоном металла и чьей-то непристойной песней. Девушка почувствовала, как в Её мраморной груди — нет, не в груди, в том месте, где Она когда-то ощущала сердце, — вспыхнула дикая, почти болезненная надежда.

Они увидят Её тело. Они поймут, что что-то не так. Они помогут.

Из леса на поляну вывалилась компания. Трое парней и две девушки, все лет двадцати — двадцати пяти, с рюкзаками за плечами. У одного из парней была гитара, которую он небрежно перекинул через спину. Они смеялись над чем-то, толкали друг друга, и их беззаботность казалась почти оскорбительной в этой мёртвой, залитой луной тишине руин.

— Охренеть! — выдохнула одна из девушек, высокая блондинка с хвостом, и достала телефон. — Вы только посмотрите!

Компания замерла, уставившись на статую. На Неё.

Они стояли в пяти метрах от круга, и Она видела их лица: удивлённые, восхищённые, любопытные. Они щёлкали камерами, перешёптывались, восхищались деталями — складками пеплоса, изящными пальцами, загадочной улыбкой. Одна из девушек, брюнетка с короткой стрижкой, даже шагнула в круг и присела, чтобы сфотографировать статую снизу вверх.

Она сходила с ума. Она смотрела вниз, где в паре метров от их ног лежало Её тело — бледное, неподвижное, с раскинутыми руками. Как они не видели? Как можно было не заметить?!

— Эй, смотрите, тут какие-то письма на пьедестале, — сказал один из парней, высокий и кудрявый. Он подошёл ближе, чуть не споткнувшись о руку Девушки. Его ботинок задел Её пальцы, и он, не обратив внимания, наклонился к основанию статуи.

Блондинка с телефоном подошла к нему и обхватила его за плечи.

— Классное место, правда? Давайте здесь встанем, — предложила она. — Прямо у статуи. Так атмосферно.

Они начали устраиваться. Парень с гитарой скинул рюкзак и начал расстилать плёнку, кто-то зажигал фонарик, развешивая его на ветке, а брюнетка уже доставала еду. Они ставили палатки в пятнадцати метрах от круга, у самой кромки леса, совершенно не замечая того, что лежало прямо у их ног.

Она пыталась кричать. Она напрягала всё Свое каменное существо, пытаясь вырвать из мраморного горла хотя бы звук, хотя бы скрежет, который привлёк бы их внимание. Ничего. Только тишина, которая звенела в Её каменных ушах.

— Странно, — сказал кудрявый, оглядываясь на руины. — Тут же один вход, мы вошли через него. А вокруг только лес. Кто вообще мог притащить сюда эту статую?

— Может, это древнее святилище? — предположила брюнетка, жуя бутерброд. — Слышали, в этих лесах раньше были поселения эллинов.

— Да пофиг, — махнул рукой третий парень, коренастый и рыжий. — Главное, что мы здесь, ночь тёплая, гитара есть. А статуя — просто камень.

Они засмеялись. Зажгли маленький костёр, заиграла гитара. Кто-то начал тихо напевать. Весёлые, беззаботные, живые.

Девушка смотрела на них сверху вниз. Она видела их лица, освещённые пламенем костра. Видела их улыбки. И впервые за эту бесконечную ночь Она поняла: они не видят Её тело не потому, что оно скрыто. Они не видят его потому, что этот круг — не для них. Каменные плиты под их ногами не пропускали взгляд. Может быть, для живых оно просто не существовало. Может быть, для живых здесь вообще не было ничего, кроме статуи.

Она была одна. Совсем одна.

Костёр трещал, гитара перебирала струны, и голос парня мягко плыл над руинами:

— «Светлячки укажут путь, но назад непустят.»

Она застыла. Каменные пальцы, которыми Она не могла пошевелить, вдруг отозвались едва заметной вибрацией, и шёпот из-под земли звучал снова — тихий, насмешливый, предвещающий.

«Смотри, Смотри, как они смеются...»

Девушка больше не могла молчать. Не могла просто смотреть, как они смеются, перекидываются шутками, как девушка кладёт голову на плечо парню, а тот поправляет на ней плед. Внутри Неё что-то надрывалось — не сердце, не лёгкие, а сама суть, та искра, что когда-то делала Её живой. Она закричала. Не голосом — мыслью, волей, отчаянием, сжатым в один беззвучный вопль, направленный вниз, в трещины каменного пола, откуда доносился тот древний, насмешливый шёпот.

— Выпустите меня! Пожалуйста! Я не хочу здесь оставаться!

Шёпот затих. А затем из самых глубин, из-под вековых плит, поднялся голос — не один, а много, сплетённых в единую пульсирующую вибрацию. Он был спокойным, даже участливым, и от этого становилось ещё страшнее.

«Выпустить? — переспросили голоса, и в них послышалось искреннее удивление. — Дитя, но Тебя никто не держит. И никогда не держал. Это Ты пришла к нам. Ты шла за светлячками. Ты коснулась камня. Ты выбрала тишину».

— Я не выбирала! — мысленно закричала Она. — Я просто гуляла! Я хотела увидеть что-то красивое!

«Ах, красивое — протянули голоса, и в них проскользнула лёгкая, почти ласковая усмешка. — Но разве не Ты кричала всем вокруг, что Тебе никто не нужен? Разве не Ты говорила матери, чтобы оставила тебя в покое? Разве не ты сбегала от друзей, когда они звали тебя гулять? Разве не Ты сидела в своей комнате ночами, глядя в потолок, и шептала: "Я хочу исчезнуть"?»

Она замерла. Слова били точно в цель, и Она не могла найти, чем возразить. Перед Её внутренним взором замелькали лица: мать с обиженно сжатыми губами, подруги, которые перестали звонить, парень, который ушёл, сказав: «Ты как будто не здесь, Ты везде и нигде». Она вспомнила, как отключала телефон, чтобы не отвечать на сообщения, как закрывала шторы среди бела дня, как чувствовала себя чужой среди людей, даже когда они были рядом.

«Ты искала место, где не нужно говорить, не нужно улыбаться, не нужно ничего изображать, — продолжали голоса, и в них теперь звучала спокойная, безжалостная правда. — Ты кричала о своём одиночестве, но сама же выстроила вокруг него стены. Мы слышали Тебя.

Мы дали Тебе идеальное место. Без крыши — но над головой небо. Без стен — но никто не войдёт без спроса. И вечная, глубокая тишина, о которой Ты мечтала. Разве не это Ты хотела?»

Она смотрела вниз, на компанию у костра. Брюнетка смеялась, запрокинув голову, и лунный свет играл на её шее. Кудрявый парень взял гитару и заиграл что-то мелодичное, и все подхватили — не словами, а просто покачиваясь в такт. Одна из девушек протянула руку и погладила кошку, которая прилудилась к их костру, и в этом движении было столько нежности, что у Неё перехватило — нет, не дыхание, но само ощущение жизни, которое Она утратила.

Она сравнила: Себя — в камне, холодную, неподвижную, вечную. И их — живых, шумных, неидеальных, глупых, счастливых. Они ссорились, мирились, делились последним печеньем, строили планы на завтрашний день. У них были ссоры, страхи, обиды. Но у них было всё это. У них была жизнь.

А у Неё — только идеальная тишина, которую Она сама же и просила.

В этот момент, глядя на лицо блондинки, которая светила в свете костра и ловила ртом тёплый ночной воздух, Она вдруг поняла. Она была неправа. Не тогда, когда шла за светлячками. А раньше. Намного раньше. Каждое слово, каждое "не трогайте меня", каждое "оставьте в покое" было ложью. Она не хотела исчезнуть. Она хотела, чтобы Её увидели. Чтобы пробилась сквозь Её стены. А когда никто не пробился, Она решила, что недостойна.

«Простите, — прошептала Она, и в этом шёпоте уже не было отчаяния — только горькое, запоздалое смирение. — Я была дурой. Я так боялась боли, что отказалась от всего остального».

Тишина внизу стала другой. Голоса исчезли, оставив только лёгкое, едва ощутимое дуновение, похожее на вздох. Каменные оковы, которые сковывали Её, вдруг стали невесомыми. Она почувствовала, как Её суть — та самая искра, душа, дыхание — отделяется от мрамора, как вода стекает с поверхности камня. Легко. Свободно.

Она вылетела.

Вверх, сквозь ночной воздух, прочь из каменной тюрьмы. На мгновение Девушка увидела статую, которая осталась на постаменте — пустую, безжизненную, но всё ещё прекрасную. Увидела Своё тело, которое продолжало лежать на плитах, но теперь оно казалось Ей просто ненужной вещью, которую Она оставила, как старую одежду.

Она поднималась выше и выше, пока руины не превратились в крошечный светящийся пятнышко, а лес — в бесконечное тёмное море, расцвеченное серебром лунных пятен. Она парила над миром, лёгкая, прозрачная, невесомая. Ветер проходил сквозь Неё, но Она чувствовала его — не кожей, а чем-то глубже. Она чувствовала запах нагретой за день сосновой коры, слышала далёкое уханье филина, видела, как внизу светлячки снова зажгли свои огоньки и закружились в медленном хороводе.

Впервые за долгое, долгое время Она сделала вдох. Не мрамором — воздухом. Живым, тёплым, весенним воздухом, пахнущим ночью и свободой. Она парила в свете полной луны, и Ей казалось, что всё вокруг дышит вместе с Ней — каждое дерево, каждый камень, каждый огонёк в лесу.

Девушка больше не была статуей. Она не была даже человеком в привычном смысле. Она была чем-то новым — лёгким, свободным, настоящим.

Оглянувшись на руины, которые уходили всё дальше вниз, Она улыбнулась. Не статуя, а Она. Улыбнулась впервые за очень долгое время — не горько, не вымученно, а легко, как улыбаются, когда понимают, что всё будет хорошо. Что даже если ты потеряла тело, ты можешь обрести себя. Что жить — это не бояться чувствовать. Даже если это больно.

Девушка повернулась к луне и полетела ввысь, туда, где ночное небо сливалось с бесконечностью, оставляя позади руины, костёр, смех ребят и каменную статую, которая теперь навсегда останется лишь памятью о той, кто когда-то пришла за светлячками.

Но ушла за светом.

Глава 9. Кукла.

Она открыла глаза в доме, который пах чужим детством. Воздух был тяжёлым, как старая вата, и оседал на языке горьковатым привкусом сырости и тлена. Где-то за стенами, сквозь плотные доски, сочился серый свет — ни утро, ни вечер, ничто, — и он не разгонял тьму по углам, а только подчёркивал её, делал более осязаемой, более живой.

В центре комнаты стояла печь — огромная, белёная, ещё тёплая, хотя огня в ней не было. Девушка подошла ближе, провела ладонью по шершавой известке. Пальцы помнили этот запах: дрова, сухая мята на подоконнике, старые половицы. Но вместе с теплом в ладони вползало что-то другое — влажное, холодное, как прикосновение мокрой тряпки. Она убрала руку, на коже ничего не осталось. Только ощущение.

Она знала, что это Её дом, хотя никогда не видела его раньше. Знала так же, как знают сны — с той удушающей уверенностью, которая не поддаётся логике. В груди пульсировала тишина. Слишком громкая тишина. Она слышала, как бьётся сердце, как кровь шумит в ушах.

Холодильник привезли под утро.

Она сама выбрала его — белый, высокий, пахнувший заводской смазкой и холодом, — чтобы поставить в доме с печью. Девушка чувствовала, как внутри Неё разрастается тихая гордость: вот, Она справляется, Она чинит, Она двигает предметы в правильном порядке.

Она нашла место. Угол, где утренний свет падал на плитку и где раньше стоял буфет — Она помнила его стеклянные дверцы, хотя никогда их не видела. Девушка придвинула холодильник к стене, расправила плечи, нажала на дверцу. Металл был ледяным. Хорошо. Правильно. Провела пальцем по штекеру, сунула его в розетку. Вынула. Сунула снова. Где-то в груди начало пульсировать знакомое, тягучее беспокойство. Оно поднималось откуда-то из живота, сжимало диафрагму, подбиралось к горлу. Не работает.

Девушка встала на колени и увидела, что розетка расколота. Изнутри. Будто кто-то специально выдрал медные усики, оставив только чёрную обугленную пасть. Края были оплавившимися, старыми, покрытыми слоем сажи, который, казалось, рос прямо на глазах. Она провела по ним подушечкой пальца — и отдернула руку, будто обожглась, хотя там было холодно.

Розетка не принимала ток.

Страх перекатился под рёбрами, тёмный, вязкий, как патока. Девушка не знала, почему Её руки начали дрожать. Она сжала их в кулаки, вбивая ногти в ладони, чтобы успокоиться. Пол под коленями казался влажным, хотя плитка была сухой. Или нет? Она не могла понять. Она вообще перестала понимать, где Её тело, а где этот дом. Границы стирались. Тени на стенах шевелились, хотя света не было.

Дверь скрипнула. Девушка обернулась. Скрип был долгим, как предсмертный выдох. На пороге стояла мама. Та смотрела на холодильник, и в глазах у неё зажглось что-то тёплое, живое. Она прошла в комнату, провела ладонью по белой дверце, улыбнулась — искренне, без тени осуждения. Но её шаги не звучали. Вообще. Только половицы прогибались под весом, но звука не было — как будто она ступала по вате, по самой тишине.

— Какой красивый, — сказала мама. — Ты молодец. Я так рада. Что ты решилась!

Девушка почувствовала, как в груди отпускает. Мама не смотрела на неё с укором. Мама гордилась. Но что-то в голосе было не так — слишком ровно, слишком гладко, как будто мама говорила не с Ней, а сквозь Неё.

— Давай помогу, — сказала мама и наклонилась к розетке. — Может, проводка старая. В этом доме всегда было плохо с электричеством.

Она хотела ответить, но взгляд Её упал на ширму. Там, в углу, за пыльным ситцем, стояло что-то тёмное и низкое. Сундук. Старый, оббитый выцветшей тканью, с потёртыми до блеска

углами. Девушка не помнила, чтобы видела его раньше. Но Он был там. Он всегда был там. Просто Она не замечала.

Что-то потянуло Её к нему. Не любопытство — нет, что-то другое. Сундук тянул Её, как магнит, как открытая рана тянет мух. Она подошла, опустилась на колени. Пахло землёй, сыростью, старым деревом — и ещё чем-то сладковатым, тошнотворным. Она подняла крышку. Петли не застонали.

Внутри, будто трупы на дне колодца, лежали маленькие сумочки с пластмассовыми застёжками, игрушечная мебель и посуда, мягкие игрушки и куклы. Целый выводок кукол. Резиновые лица смотрели вверх — десятки пустых глаз, десятки застывших улыбок. Но что-то было не так. Девушка сразу это почувствовала — кожей, затылком, тем местом между лопаток, где всегда живёт ужас. Куклы были не просто сложены. Они были уложены ровными рядами, как в братской могиле.

Она протянула руку и взяла первую. Волосы были острижены. Неровно, тупыми, зазубренными ножницами, кое-где до самой резиновой кожи. Срезы были рваными, будто пластик рвали зубами. Она вытащила вторую, третью — все одинаково обкорнанные, уничтоженные. Её пальцы дрожали, касаясь колючих срезов, и Она почти видела, как лезвия вгрызаются в пластик, ломают волосок за волоском, превращают длинные пряди в короткие пеньки. Она слышала этот звук — хруст, скрежет, чавканье. Или это только в голове?

Потом Она нашла *ту* самую. Русалочку. Девушка узнала Её сразу — по изгибу хвоста, по блёсткам на плавниках. Ту, которую подарил отец.

Ей было пять. Пять лет, когда мир ещё не рассыпался на «до» и «после». Это случилось зимой, в деревне, где Она гостила у прабабушки. Снег шел всю неделю — крупный, густой, мокрый, он засыпал крыши до самых труб, облепил окна, превратил тропинки в белые канавы.

Отец приехал поздно. За окном была ночь, но снег отражал свет звёзд, и от этого казалось, что мир светится изнутри. Бледное, холодное сияние разлито по всему горизонту, и белизна снега казалась не белой, а голубоватой, прозрачной, как лёд в замёрзшем озере.

Ночь была такой светлой, что можно было разглядеть каждую снежинку, каждый завиток узора на окне. В доме пахло хвоей, топлёным молоком и свежей выпечкой. Отец вошёл, отряхивая снег с плеч, и протянул коробку, перевязанную синей лентой. Внутри лежала она — синеволосяя, с жемчужным венцом, с хвостом, переливающимся как настоящая чешуя. Прабабушка сидела у печи и улыбалась в кружку с чаем. Отец поцеловал Её в макушку — губы были холодными, пахло мятой и морозом — и сказал: «Это тебе, доча». Всё. Без объяснений, без обещаний. Просто подарок. Просто кукла.

Она очень дорожила этим подарком, как символом любви отца к Ней. И хотела быть на неё похожей — такой же синеволосой, такой же далёкой и прекрасной. Но в двенадцать лет Она окончательно поняла, что детство закончилось. Отец не придет, не заберёт Её. И просто убрала все игрушки, включая любимую куклу, в коробку, задвинула под кровать и больше не доставала. Не потому, что кто-то сказал. Просто почувствовала, что замерзла внутри.

Теперь русалочка лежала перед Ней. Волосы, синие как глубокое море, были острижены под глупое карэ. Прямая чёлка. Прямые скулы. Стрижка «под горшок». Кто-то лишил Её моря. Кто-то превратил русалку в куклу для игры в дочки-матери. Из той, что пахнет солью и свободой, сделали удобную, послушную, домашнюю.

Тут Она заметила вторую голову. Маленькая, чужая, прикрученная сбоку к шее. Намертво. Винт проходил прямо через пластмассу — грубо, жестоко, без попытки замаскировать. Крупный, ржавый, с сорванной шляпкой. Вторая пара глаз смотрела в противоположную сторону. Вторая улыбка была чуть кривее, будто кто-то плохо приладил челюсть. Кто-то решил, что одной головы мало. Кто-то решил, что Она должна смотреть сразу в две стороны, но ни в одну — по-настоящему. Смотреть — и не видеть. Улыбаться — и не чувствовать.

Девушка сжала куклу так сильно, что краска на хвосте пошла мелкими трещинами, как паутина. В груди закипал гнев. Воздух не проходил, застревал в гортани, и Она слышала собственное сердце — слишком громко, слишком быстро, как будто оно пыталось вырваться из рёбер и убежать.

— Что это? — голос матери раздался сзади, испуганный и живой. — Дочка, что случилось? Что ты нашла?

Она не отвечала. Девушка просто смотрела на русалочку, на эту изуродованную вещь, и не могла дышать. В горле стоял ком, горячий и колющий, как шерсть.

— Это моя, — прошептала Она. — Это отец подарил.

Мать подошла ближе, заглянула через плечо. Её дыхание остановилось на секунду. Она замерла, и в тишине стало слышно, как тикают часы. Но в доме не было часов.

— Ох — выдохнула мать. — Кто это сделал?

Она молчала. Девушка не знала. Она никогда не сделала бы этого со своей русалочкой. Но кто? Кто мог залезть в сундук, который стоял в чужом доме и переделать Её игрушки? Кто отрезал им волосы? Кто прикрутил лишние головы?

— Это не я, — сказала Она, и голос прозвучал чужим, тонким, детским, словно Ей снова было пять. — Я сама убрала её. В двенадцать. Просто перестала играть.

— Я помню, — мама стояла рядом, растерянная, живая, настоящая. — Ты сама убрала все игрушки. Сказала, что ты уже взрослая.

Но здесь, в этом доме, она лежала иначе. Девушка поднялась. Ноги не слушались — дрожали, подкашивались, как у только что родившегося животного. Она опёрлась рукой о край сундука, и дерево под пальцами было влажным, склизким, как старая рана, которая никак не затянется. Она пошла к холодильнику, сжимая в руках изуродованную куклу. Белый монолит стоял у стены, пустой, холодный, но Она знала — внутри что-то есть. Она чувствовала запах. Еле уловимый, но уже знакомый — тошнотворный, сладковатый, тот, что появляется, когда мясо начинает гнить, а ты всё ещё надеешься, что его можно съесть. Он просачивался сквозь резиновые уплотнители, заполнял комнату, смешивался с запахом старой извести и сырости.

Она открыла дверцу. Холод ударил в лицо — сухой, ледяной, но не освежающий. Он был мёртвым. Как в море.

Внутри было грязно. Жирные разводы на полках — старые, засохшие, с вкраплениями чёрного, похожие на запёкшуюся кровь. Лужица сока с плесневелыми островками на дне, покрытыми белым пухом, который шевелился от движения воздуха. Продукты стояли в беспорядке: открытые банки с засохшей каймой, разрезанные огурцы с серой, слизистой сердцевиной, мясо в липкой, скользкой плёнке, сыр с чёрными прожилками, которые пульсировали, казалось, сами по себе. Пахло кислым, гнилым, тем особым запахом запустения, который не выветривается, даже если открыть все окна. Он въедается в кожу, в волосы, в лёгкие.

Девушка закрыла дверцу. Открыла снова. Грязь не исчезла. Продукты не стали свежее. В углу на нижней полке лежал пакет молока, прокисший до состояния желе, с пузырями на поверхности, и Она смотрела на Него, а в голове билось: «Я купила холодильник. Зачем я купила его? Чтобы хранить это?» Холодильник был заполнен тем, что испортилось до того, как Она Его купила. Он не сохранял. Он консервировал разложение. Консервировал Её разложение.

Она оглянулась. Печь. Мать, стоящая у сундука с растерянным лицом. Кукла с двумя головами в Её руках. Русалочка смотрела на Неё двумя парами одинаковых глаз — одна голова прямо, в глаза, в самую душу; другая вбок, в пустоту, в никуда.

— Кто это сделал? — снова спросила мать. Голос был тихим, почти шёпотом, и в нём слышался страх. Настоящий, человеческий страх.

Девушка не знала. Она прислонилась к холодильнику, чувствуя, как холод металла проникает сквозь одежду, впивается в позвоночник, разливается по рёбрам, добирается до сердца.

Всё это время Она пыталась хранить чужую жизнь в своём доме. Она искала свои игрушки, но нашла только то, как их обкорнали другие. Как их переделали. Как их лишили голоса, а потом добавили лишний, чтобы Она не могла отличить свой от чужого.

— Кто это сделал? — прошептала Она сама себе. Голос сорвался, сломался на середине слова, превратился в хрип. Слёзы жгли глаза, но не текли — застревали, превращаясь в горячие иголки.

В голове зазвучали два голоса. Один, материнский, испуганный и живой: «Ты не делала этого. Ты не могла.» Другой, чужой, холодный, как та розетка: «Ты сама. Это твоих рук дело.»

— Нет, — сказала Она вслух, и слёзы наконец потекли — горячие, солёные, бесконечные, сжигающие кожу. Они текли по щекам, падали на куклу, на её обстриженные синие волосы, на вторую голову с кривой улыбкой, стекали по хвосту, смешиваясь с выцветшей краской. — Нет. Я не делала этого.

Девушка опустила взгляд на куклу. На эту искалеченную русалочку, которую кто-то превратил в нечто с двумя лицами. Волосы торчали неровными пеньками — колючими, острыми, как осколки стекла. Вторая голова смотрела в пустоту, и Ей казалось, что эта голова смеётся. Беззвучно, криво, надтреснуто.

— Это просто подарок, — прошептала Она, и голос дрожал, ломался, превращался в шёпот. — Просто кукла. Папа просто приехал ночью, в снег, к прабабушке, и подарил её. Всё. Никаких обещаний. Никакой магии. Я сама держалась за неё, потому что больше не за что было держаться. А потом Я сама убрала её. Потому что решила, что Я уже взрослая. И теперь у неё две головы, и она не знает, куда смотреть. Как Я. Я тоже не знаю, куда смотреть.

Она подняла глаза на мать. Взгляд был мокрым, размытым, но Она смотрела прямо — впервые за много лет. В глаза, в самую глубину, туда, где мать прятала своё бессилие.

— Кто я? — спросила Она. — Я та, кем ты меня сделала? Или та, кем я себя придумала? Или та, кого обкорнали и прикрутили лишнюю голову, чтобы она была удобной для всех?

Мама молчала. Она не знала ответа. В её глазах блеснуло что-то влажное — слёзы? Испуг? Боль? Девушка не знала. Она ничего не знала.

Она снова посмотрела на куклу. Провела пальцем по обстриженным волосам — колючим, неровным, ранящим. Затем по второй голове — по её холодной, чужой, гладкой щеке, которая не чувствовала ничего. Она стояла, прижимая к груди куклу, и слёзы всё текли и текли — по щекам, по шее, по рубашке, оставляя влажные пятна. Пальцы судорожно гладили синие волосы, пытаясь вернуть им длину. Но они оставались короткими. Навсегда.

Девушка медленно сползла по дверце холодильника на пол. Холодная плитка встретила Её ноги, бёдра, спину. Она села, подтянула колени к груди, обхватила их свободной рукой. В одной руке — русалочка с двумя головами. В другой — пустота. Холод. И тишина, которая сгущалась вокруг, становилась плотной, осязаемой, как бетон.

— Я не знаю, кто я, — прошептала Она в тишину. — Я не знаю, кто это сделал. Я не знаю, как жить дальше.

Девушка закрыла глаза. Печь трещала — резко, глухо, как будто внутри неё ещё тлели угли, которые никто не затушил. Холодильник молчал. Но Она слышала, как внутри него что-то капает. Медленно, ритмично, как обратный отсчёт. Кукла смотрела на Неё двумя парами одинаковых глаз. Одна голова — прямо. Другая — в пустоту. Обе — улыбались.

В голове звучало только одно — вопрос, на который не было ответа: Кто из них — я?

Глава 10. Буря.

Маргарита Николаевна стояла над плечом, глядя в монитор. Весь отдел притих — никто не щёлкал мышкой, не перешёптывался, даже дышать старались тише.

— Вот здесь. Опять. Ты вообще смотришь, что печатаешь? Или думаешь, что кто-то другой будет перепроверять твои «мелкие» оплошности?

Голос у неё был ровный, даже мягкий, но от этой мягкости хотелось провалиться сквозь пол. В нём сквозило такое разочарование, будто Она не ошибку в отчёте сделала, а предала Родину.

Каждое слово вонзалось, как игла. Она чувствовала, как краснеют щёки, как предательски теплеет кожа на шее. Ей хотелось провалиться, исчезнуть, стать невидимой. Но Она сидела, вжавшись в стул, и смотрела в одну точку на экране, боясь поднять взгляд.

Она чувствовала спиной взгляды коллег. Кто-то отвёл глаза, кто-то с интересом наблюдал, кто-то делал вид, что увлечён своей работой, но уши наверняка были настроены. Она знала, что сейчас о Ней думают. «Вечно она ошибается», «неужели так трудно быть внимательнее?», «вот кого взяли, а мы расхлёбывай». И это было хуже любой словесной пощёчины. Она старалась, правда старалась. Но новая работа оказалась сложнее, чем Она предполагала, и уследить за всеми деталями, не допуская ни одной ошибки, было почти невозможно.

— Простите, Маргарита Николаевна, Я исправлю, — услышала Она свой голос, который звучал глухо и виновато. Внутри всё сжалось от собственной беспомощности. Она ненавидела этот момент — когда Её выставляли глупой при всех.

— Исправишь, конечно, — начальница выпрямилась и посмотрела на Неё сверху вниз, хотя они были почти одного роста. — Только вот когда Ты уже начнёшь думать, а не просто исправлять? Это база. База. Для таких вещей даже не надо заканчивать университет.

По кабинету пробежал едва слышный смешок — кто-то не сдержался. От этого звука у Неё внутри всё оборвалось. Она сжала пальцы под столом в кулак, чтобы не дрогнули. Глаза защипало так сильно, что изображение на мониторе поплыло. Она знала: если сейчас откроет рот, чтобы ответить, — сорвётся на комок в горле. А если заплачет при всех, это будет окончательным поражением. Маргарита Николаевна ждала этого. Она видела в её взгляде холодное любопытство: заплачет или нет? Хотела увидеть слёзы. Хотела победить.

— Я поняла, — сказала Она, глядя в клавиатуру, чтобы скрыть заблестевшие глаза. — Всё исправлю.

— Вот и умница, — кивнула начальница и уплыла к своему рабочему месту, оставив после себя шлейф дорогих духов — приторных, как её голос.

Кабинет медленно оживал. Зашелестели бумаги, застучали клавиши. Никто не посмотрел на Неё. Никто не сказал ни слова. Она сидела неподвижно, боясь моргнуть, чтобы слеза не скатилась по щеке. Она не даст им этого. Ни за что.

Она взяла исправленный отчёт и направилась к кабинету начальницы службы. В коридоре Она выдохнула — подальше от чужих глаз, подальше от приторного запаха духов, который до сих пор стоял в носу. Тряхнула головой, пытаясь стряхнуть остатки унижения.

Валентина Георгиевна сидела за большим столом, изучая какие-то бумаги. У неё были мягкие черты лица и внимательные, тёплые глаза. Она подняла взгляд, когда вошла девушка.

— Отчёт, Валентина Георгиевна, — сказала Она, протягивая папку.

Начальница службы приняла документ, бегло пролистала.

— Хорошо, спасибо.

Она уже развернулась, чтобы уйти, когда услышала за спиной тихий голос:

— Подожди. Ты чего такая расстроенная? — Валентина Георгиевна смотрела на Неё с искренней заботой. Глаза у неё были добрые, и от этого вдруг стало ещё труднее сдерживаться. — Что случилось?

Она открыла рот, и голос предательски дрогнул. Она быстро заморгала, чтобы не дать слезам вырваться наружу, но сказала, глядя в пол:

— Я постоянно ошибаюсь. Маргарита Николаевна только что при всех меня отчитала. И... я думаю, что, возможно, не подхожу для этой работы.

Тишина. Валентина Георгиевна внимательно смотрела на Неё.

— Глупости, — сказала она мягко. — Ты работаешь всего ничего. Никто не ожидает, что ты будешь идеальной с первого дня.

Она подняла глаза. В них стояли слёзы, которые Она изо всех сил пыталась удержать.

— Валентина Георгиевна, я... я стараюсь, но всё равно что-то упускаю. Мне кажется, я подвожу всех.

Женщина покачала головой и улыбнулась.

— Послушай меня. Ты вполне справляешься. Для такого короткого срока — более чем. А Маргарита Николаевна... — она чуть заметно вздохнула, — да, она строгая. Но отходчивая. Это у неё характер такой — резкая, но быстро остывает. Не принимай близко к сердцу.

Она хотела что-то возразить, но Валентина Георгиевна мягко перебила:

— Всё будет хорошо. Ты справишься. Просто дай себе время.

Она посмотрела на начальницу службы — и впервые за весь день почувствовала, что её не считают никчемной. Что Её видят.

На прощание Валентина Георгиевна тепло улыбнулась Ей и ободряюще погладила по плечу.

— Иди, работай. Всё наладится.

Она вышла из кабинета с комком в горле, но теперь это был другой комок — не горький, а какой-то светлый. Слёзы всё ещё стояли в глазах, но Она больше не пыталась их прятать. Просто постояла в коридоре, выдохнула, промокнула уголки глаз и направилась к выходу. Ей нужно было на воздух.

Она спустилась вниз, миновала турникеты и толкнула тяжёлую стеклянную дверь офисного здания. И сразу — словно вынырнула из одного мира в другой.

Летний вечер встречал Её тёплым, почти ласковым воздухом. Солнце уже не пекло, а золотисто-медовым светом разливалось по крышам, деревьям и лицам прохожих. Небо было чистым, только у самого горизонта виднелась тонкая дымка — то ли лёгкая облачность, то ли испарения от нагретого за день асфальта. Запахи лета кружили голову: прогретая трава, чуть горьковатая пыль, где-то далеко — сладковатый аромат цветущего жасмина.

Рабочий день закончился, и улица жила своей безмятежной вечерней жизнью. Мимо проходили люди — кто с сумками из продуктового, кто с собаками на поводках, кто просто гулял, наслаждаясь долгожданной прохладой после душного офиса. Пробежал мальчишка с мячом, обогнув Её по широкой дуге.

Пожилая пара медленно брела под руку, о чём-то негромко переговариваясь, и мужчина бережно придерживал спутницу за локоть. Девушка в наушниках шла, полуприкрыв глаза, и улыбалась чему-то своему, внутреннему. Все они были такими спокойными, такими далёкими от Её тревог, и это почему-то успокаивало.

Она остановилась на секунду, подставив лицо тёплому ветру. Вдохнула глубоко. Выдохнула.

Идти домой не хотелось. Дома было тихо и пусто, а там мысли начинали крутиться в бесконечном хороводе. Ей нужно было побыть здесь, среди этого золотого вечера, среди незнакомых безмятежных лиц.

Она свернула в сторону набережной. Ноги сами понесли Её к морю — туда, где воздух становился влажнее и свежее, где горизонт раздвигал границы, а ветер уносил мысли прочь.

Деревья вдоль аллеи отбрасывали длинные, причудливо изогнутые тени. Ветви легко покачивались, и листья шелестели так успокаивающе, что Она замедлила шаг. Где-то заливалась птица, вторя другой, и их переключка вплеталась в общий гул города, приглушённый и далёкий. В воздухе витал едва уловимый запах соли и йода — море было уже близко.

Она вышла на широкую набережную и замерла.

Вода в этот час казалась не синей, а перламутровой — в ней отражались золотые и розовые полосы заката. Волны лениво накатывали на песок, оставляя тонкую пену, и с тихим шелестом отступали обратно. Вдалеке на горизонте, там, где небо смыкалось с морем, свет переливался всеми оттенками оранжевого и лилового, словно какой-то невидимый художник смешал краски на гигантской палитре.

Она постояла, глядя на эту красоту, и в груди стало чуть легче. Мысли перестали быть такими острыми. Она сделала шаг, второй — и пошла вдоль набережной, туда, где в море врезался массивный городской пирс. Он поднимался над водой высоко и гордо — широкий, надёжный, из серого камня и бетона, с чугунными перилами, отполированными временем и тысячами ладоней. Днём там всегда было многолюдно: туристы щёлкали затворами камер, влюблённые назначали встречи, дети бегали между взрослыми, размахивая воздушными шарами. Но сейчас, к вечеру, народу почти не осталось. Только несколько человек у самого края, где обзор открывался на весь залив. Кто-то наводил телефон на горизонт, кто-то просто стоял, облокотившись на перила, глядя вдаль.

Она ступила на широкую площадку пирса. Под ногами был чуть шершавый бетон, ещё хранящий дневное тепло. Отсюда, с высоты, море открывалось по-настоящему — бескрайнее, дышащее, живое. Ветер здесь был сильнее, свободнее, он взбивал пряди волос и трепал края лёгкого платья.

Она подошла к перилам, взялась руками за тёплый, нагретый за день чугун и посмотрела на горизонт. Где-то там, на линии, где небо встречалось с водой, медленно угасал закат, переливаясь от густого оранжевого к нежному сиреневому.

— Ну что же ты, — прошептала Она себе под нос, — справишься ведь. Справишься.

Мимо прошла пара — парень обнимал девушку за плечи, она смеялась чему-то, откинув голову назад. Две подруги фотографировались на фоне моря, поправляя волосы и строя смешные гримасы. Кто-то с ребёнком за руку неторопливо направлялся к выходу с пирса. Всё было так мирно, так обычно, так по-летнему безмятежно.

В этот момент лёгкий бриз переменился. Ветер дёрнулся, будто встревоженный, и по воде побежали короткие, нервные волны. Небо на горизонте, только что такое золотистое и спокойное, начало темнеть — слишком быстро, слишком резко для обычного заката. Где-то вдалеке мелькнула бледная вспышка, и через секунду донёсся глухой, едва слышный гром.

Она нахмурилась, вглядываясь вдаль, где море и небо вдруг перестали быть разделёнными линией горизонта. Там, в нескольких километрах от берега, что-то творилось. Тёмный столб поднимался из воды, закручиваясь в спираль, и тянулся вверх, к стремительно темнеющим тучам. Водоворот. Смерч. Он рос на глазах, становясь плотнее, темнее, страшнее. Вода у основания вздымалась, как живая, и с ревом уходила в небо. Сердце пропустило удар. Она вцепилась в перила, не веря своим глазам.

Первый крик сорвался с чьих-то губ — резкий, испуганный, как удар хлыста. Его подхватил другой, потом третий, и через мгновение безмятежный вечерний пирс превратился в поле паники.

Смерч рос на глазах. То, что секунду назад казалось далёким водяным столбом, теперь разрасталось, наливаясь чёрной, свинцовой мощью. Он двигался к берегу — неумолимо, стремительно, как живой хищник, почуявший добычу. Вода у его основания бешено вращалась,

вскипала, взлетала вверх тугими жгутами, переплетаясь с песком, камнями, обломками. Нижняя часть смерча была тёмно-серой, почти чёрной, а выше, где он соединялся с тучами, переливалась жутковатым фиолетовым оттенком, будто небо и море вступили в смертельную схватку, породив это чудовище.

Ветер, ещё минуту назад ласковый и тёплый, вдруг взбесился. Он завыл, ударил в лицо, сбивая дыхание, хлестая по щекам песчинками, которые теперь превратились в мелкую дробь. Пирс содрогнулся. Чугунные перила завибрировали под пальцами, и Она отшатнулась, чувствуя, как дрожь передаётся всему телу.

Люди бросились бежать. Кто-то отчаянно кричал, кто-то плакал, кто-то просто бежал, не разбирая дороги, хватая за руки тех, кто застыл в оцепенении. Мать с ребёнком на руках метнулась мимо Неё, едва не сбив с ног. Две девушки, только что беззаботно фотографировавшиеся, теперь с визгом мчались к выходу с пирса, оставив на бетоне забытую сумку. Пожилая пара пыталась двигаться быстро, но старчески медленно, и женщина то и дело оглядывалась на приближающуюся стену ветра.

И тогда смерч достал первых. Мужчина в синей рубашке споткнулся о собственные ноги, упал — и в следующее мгновение на него обрушилась бетонная глыба, отколотая от пирса. Тяжело, глухо, безвозвратно. Больше он не шевелился. Только алая струйка, тонкая и неровная, поползла по серому бетону, смешиваясь с водой, которую швыряло на пирс. Его жена, стоявшая рядом, закричала — дико, нечеловечески, протяжно — и ветер подхватил её крик, разорвал на части и унёс в чёрную воронку вместе с её телом, которое исчезло через секунду. Только её руки мелькнули в воздухе, безжизненные, бессильные, и всё.

Смерч приближался. Он уже не был чёрной точкой на горизонте — он занял половину неба, неся с собой грохот, который заглушал крики. Море под ним ходило ходуном, волны вздымались и падали, разбиваясь о пирс с такой силой, что брызги долетали до самого верха, холодные, солёные и обжигающие.

Удар стихии обрушился на набережную. Она краем глаза увидела, как огромный рекламный щит у входа на пирс взлетел в воздух, перекрутился и исчез в чёрной воронке. Следом полетели лёгкие торговые палатки, урны, обломки деревянных скамеек. Воздух наполнился свистом, грохотом, треском — звуками, которые невозможно было описать, которые врезались в уши и оставались там, навсегда.

— Помогите! Кто-нибудь! — кричала девушка, которую ветер тащил к краю. Она цеплялась за остатки перил, но пальцы соскальзывали, ногти скребли по чугуну, оставляя кровавые полосы. Она видела, как её подругу, стоявшую рядом секунду назад, вырвало из рук. Та взлетела в воздух и врезалась в бетонный столб — раздался глухой удар. Девушка перестала кричать. Просто замолчала, повиснув на перилах безжизненной тряпкой.

Пирс содрогнулся. Сначала мелко, едва заметно, а потом — сильно, по-настоящему. Под ногами заходил бетон, и Она услышала низкий, протяжный гул — словно каменное чудовище издало последний предсмертный стон. По поверхности пирса побежала трещина. Тонкая, но стремительно расширяющаяся, она рассекала бетон, как нож масло. В следующий миг кусок перил с грохотом отлетел в сторону и рухнул в бушующее море, увлекая за собой осколки чугунных столбов. С ним исчезли и двое парней, которые стояли слишком близко. Они даже не успели закричать — просто провалились в пустоту, и волны сомкнулись над ними.

Она вскрикнула и отступила назад, но сразу поняла: бежать к берегу поздно. Путь отрезали обломки, которые сносил ветер, и толпа, превратившаяся в беспорядочную, обезумевшую массу. Она увидела, как мужчину сбило с ног летящей доской, и он исчез под ногами бегущих. Кто-то пытался ему помочь, но их уносило волной паники.

Воздух был полон смерти. Запах крови смешивался с солью и страхом. Кто-то лежал неподвижно, раскинув руки, кто-то продолжал шевелиться, пытаясь встать, но сил уже не было. Крики становились всё тише — и это было страшнее всего, потому что тишина означала конец.

И в этот момент среди этого хаоса Она заметила девочку. Совсем маленькую, лет пяти-шести, в ярко-жёлтом платице. Она стояла у самого края пирса, там, где перил уже не было — их снесло вместе с куском бетона. Девочка смотрела на вздыбившееся море широко раскрытыми глазами, беззвучно открывая и закрывая рот. Она не плакала, не звала — просто застыла в ужасе, и её тонкие ручки, такие беззащитные на фоне бушующей стихии, были беспомощно разведены в стороны. Рядом никого не было. Родители исчезли — унесённые ветром или раздавленные обломками, Она не знала, но жёлтое платице стояло на краю одно, и время вокруг Неё замедлилось.

Смерч уже почти достиг берега. Его край задел пирс, и тот содрогнулся с новой силой. Бетон крошился, как сухое печенье, куски откалывались и падали в воду, поднимая фонтаны брызг. Ещё мгновение — и весь пирс рухнет.

Но Она видела только жёлтое пятно у самого обрыва. Девочка стояла на краю. Ещё шаг — или падающий кусок бетона — и её смоем волной.

— Стой! — закричала Она, но голос утонул в реве ветра.

Она бросилась вперёд, не думая, не понимая, как это возможно. Ветер толкал в спину, сбивал с ног, но Она бежала. Бежала к жёлтому платицу, которое качалось на краю, как маленький флаг, брошенный судьбой.

Она бежала, не слыша собственного дыхания. Ветер хлестал по лицу, но Она пробивалась вперёд, перепрыгивая через трещины, огибая обломки, падая и поднимаясь снова. Мир сузился до одного-единственного жёлтого пятна на краю чёрного неба.

— Детка! — закричала Она, подбегая. — Отойди от края!

Но было поздно. Пирс содрогнулся с новой силой — и кусок бетона, на котором стояла девочка, с треском откололся и рухнул вниз, увлекая за собой маленькое жёлтое платице.

— Нет! — вырвалось из Её груди.

Она рванулась вперёд, падая на живот, скользя по крошащемуся краю, и в последнее мгновение Её пальцы сомкнулись на тонком запястье. Девочка повисла над бушующим морем, болтая ногами в воздухе. Её другая рука судорожно цеплялась за пальцы спасительницы, но хватка была слабой — детские ладошки скользили.

— Держись! — крикнула Она, чувствуя, как тяжесть ребёнка тянет Её вниз. — Держись, слышишь?!

Ветер выл, хлестал по лицу, пытался оторвать Её от края. Пирс дрожал, крошился, и под грудью, там, где Она лежала, бетон трескался, расходясь тонкими змеиными линиями. Ещё немного — и край обрушится вместе с Ней.

Она вцепилась в запястье девочки обеими руками. Мышцы горели огнём, плечи выли от напряжения, но Она не отпускала. Девочка смотрела на Неё снизу вверх — огромные карие глаза, полные ужаса, слёзы, смешанные с солёными брызгами, стекали по щекам.

— Я боюсь! — всхлипнула девочка.

— Я тебя не брошу, — прохрипела Она. — Слышишь? Я тебя не брошу.

Она подтянулась, почти не чувствуя рук, только жжение в суставах и отчаяние, которое придавало сил. Медленно, сантиметр за сантиметром, Она тащила девочку вверх. Камни осыпались под локтями, края бетона царапали кожу, но Она тянула. Тянула, пока не почувствовала, что девочка ухватила свободной рукой за край пирса, потом подтянулась сама — маленькие ножки застучали по бетону.

Она выдохнула, на мгновение позволив себе закрыть глаза. Девочка была на пирсе. Живая. Спасённая.

Но пирс снова содрогнулся — сильнее, чем прежде.

— Беги! — закричала Она, поднимаясь на ноги и подталкивая девочку к берегу. — Беги, не оглядываясь!

Девочка побежала. Маленькое жёлтое платьице мелькало среди обломков, среди трещин, разбегающихся по бетону, как паутина. Она бежала, спотыкаясь, падая, поднималась снова — но бежала. К берегу. К жизни.

Она смотрела Ей вслед, и в груди росло что-то лёгкое, почти теплое. Она сделала это. Она успела.

В этот момент Она услышала звук — низкий, тягучий, утробный. Звук, с которым ломается камень. Земля под ногами ушла.

Она не побежала. У Неё не было сил. Или, может быть, Она просто знала, что не успеет. Пирс рухнул.

Она почувствовала, как бетон уходит из-под ног, как тело проваливается в пустоту. Её руки взметнулись вверх, пытаясь ухватиться за край, но пальцы соскользнули по мокрому, крошащемуся бетону. Над головой, на самом краю, Она успела увидеть силуэт девочки, которая обернулась. Маленькое жёлтое платьице, лицо, искажённое криком. Девочка тянула к Ней руки, но было поздно.

Она летела вниз, в чёрную, кипящую воду.

Море рванулось навстречу, холодное, тяжёлое, беспощадное. Оно ударило Её, выбивая дыхание, заполняя лёгкие солёной мглой. И наступила тишина. Ни криков, ни ветра, ни треска. Только вода, давящая на грудь, и медленное, бесконечное падение в темноту.

Она попыталась вырваться. Руки, ноги — всё двигалось, как в замедленной съёмке. Лёгкие горели, требовали воздуха, но вокруг была только вода. Сознание меркло, расплывалось, ускользало. Над головой, где-то далеко, всё ещё ревел смерч. Но Она Его больше не слышала.

Она смотрела вверх, туда, где сквозь толщу воды пробивался мутный, серый свет — последнее, что Она видела. И в этом свете, на самом краю пирса, мелькнуло маленькое жёлтое пятно. Девочка стояла на коленях, глядя вниз, и Её руки всё ещё были протянуты в пустоту.

— Беги... — прошептала Она одними губами, и вода заполнила рот.

Свет угасал. Она закрыла глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.